

Платьяна Алюшина

Запутанные
отношения

Еще раз про любовь

Татьяна Алюшина

Запутанные отношения

«ЭКСМО»

2014

Алюшина Т. А.

Запутанные отношения / Т. А. Алюшина — «Эксмо»,
2014 — (Еще раз про любовь)

ISBN 978-5-699-69781-6

Кирилл – успешный бизнесмен, уверенный в себе мужчина, привыкший к женскому вниманию. Катя – детский врач, брошенная когда-то родителями и выросшая при холодной, не обращающей внимания на внуку бабушке, как яблонька-дичок. Но однажды пути этих столь непохожих друг на друга людей пересекаются. Что же из этого выйдет? Может быть, только странные, запутанные отношения?.. Книга также издавалась под названием «Риск эгоистического свойства».

ISBN 978-5-699-69781-6

© Алюшина Т. А., 2014

© Эксмо, 2014

Татьяна Алюшина

Запутанные отношения

Дверь его квартиры была открыта, и оттуда доносилось Мотино безостановочное тьяканье на грани собачьей истерики, приближающейся к сердечному приступу, и чей-то неизвестный и недовольный голос.

Из Сониного сбивчивого и торопливого объяснения по телефону он так и не понял, что именно произошло:

– Па, дома что-то стряслось. Мы с Максом приехать не можем, мы же у Гарика, на даче. Я бы тебя не дергала, но Валентина в панике! Понимаешь?

И дочь выдержала многозначительную паузу после такого заявления.

Уж как не понять!

Если Валентина в панике, значит, случилось нечто выдающееся! Сильно выдающееся из всяких рядов!

Чертыхнувшись про себя, он отложил всегда непреодолимо важные дела, задвинул совещание и поехал разбираться с происшествием, ввергшим боевую домработницу в панику.

Кирилл осторожно, не создавая шума, поставил портфель у двери, освобождая на всякий непредвиденный вариант развития событий руки, мимолетно пожалел рубашку и запонки, тут же ругнул себя за неожиданное жлобство, открыл дверь пошире, морально готовясь увидеть все что угодно, и неслышно шагнул через порог.

Ну, к данной ситуации он никак не мог себя подготовить – ни морально, никак. Поскольку для начала ее надо было предположить, а сие стремительно приближалось к популярной некогда программе «Очевидное – невероятное».

По коридору, согнувшись пополам, прямехонько на него пятилась девушка. Правда, всей ее как таковой не было видно. Зато отчетливо прекрасно на Кирилла Степановича надвигался женский задик, снабженный офигенно длинными ножками и изумительной красоты точеными лодыжками.

Обладательница всего этого сноровисто собирала тряпкой воду с темного элитного итальянского паркета, выжимала резкими движениями рук в стоящий рядом с правой ногой таз, шлепала орудие производства на пол, сдвигалась еще на один шаг к входной двери, то есть на Кирилла, подтягивала за собой таз, попутно отчитывая заходившуюся в припадке псину.

Мотя, носящая величавое полное имя Матильда, являлась наихилейшим, каким только возможно, йоркширом – мелкая, даже для этой карманной породы, в голых проплешинах на тельце, категорически не зараставших шерстью, невзирая ни на какое лечение, впустую потраченные дорожные препараты и Сонькино терпение вкупе с любовью. Собственно, дочь-то и притащила домой это несчастье, найдя его на помойке возле школы.

Первые несколько дней Мотя тряслась не переставая и так же, без остановки, пищала и впадала в коллапс с перепугу, если Соня спускала псину с рук. Но довольно быстро освоилась, уверившись в безопасности новой сытой-холеной жизни, делая явные «предъявы» на особое к себе отношение, научилась совершенно мерзко лаять, чем доводила Кирилла до кроважидных мыслей и подозрения относительно моральной вменяемости ее предыдущих хозяев.

В данный момент это недоразумение стояло на высоком стуле у барной стойки в кухне, откуда просматривался весь коридор до входной двери, пучило глаза на неизвестную половойку, тряслось всем тельцем и припадочно визжало на высокой ноте с одинаковыми интервалами между звуками – тьяв-тьяв-тьяв, что означало: спасите, помогите, SOS, умираю!!

– Животное, заткнулось бы ты, – не отрываясь от основного занятия, разговаривала с Мотей неизвестная. – Тебя даже собакой назвать нельзя, так, чих природы! Божья ошибка

и недогляд! Да еще одарил же премерзейшим лаем, а! Если ты хозяев такими вот звуками потчешь, то большой вопрос, как тебя за это до сих пор не удавили. Хотя, судя по твоему задрипанному виду, оные попытки предпринимались. Ты бы призадумалась, огрызок!

Кирилл улыбнулся, соглашаясь с утверждениями незнакомки на все сто! Он-то не раз грозился Соньке выкинуть Мотю в окно за такие звуки. Хорошо хоть закатывались концерты редко, а то не удержался бы! Но с недавних пор Мотя благоговела перед хозяином, который спас ее от верной смерти, выхватив из-под падающего стула, грозившего стать для собаки гильотиной. По мелкости и затрапезности экстерьера жизнь псины была полна тягот и борьбы за выживание, а посему умищем та обладала незаурядным. Так что, оценив спасение своей жизни по самому высокому баллу, слушала хозяина беспрекословно, и меж ними наступил мир и полное понимание.

Но нынче Матильда была в ударе, а выносить издаваемые ею звуки никакое человеческое терпение не способно. Но Кирилл поймал себя на том, что не прекращает «арию», отдав команду, более того, улыбается, слушая комментарии барышни, и с превеликим удовольствием рассматривает ножки и попку, туго обтянутую легкими льняными бриджиками, открывающими во всей красе идеальные икры и лодыжки.

Тело в рассматривании принимало весьма даже активное участие.

Он одобрительно хмыкнул про себя нечто очень мужское – что-то про реакцию тела, про женские формы в целом и про данную женскую форму, пятившуюся на него, в частности. И тут же одернул за неуместное проявление мужских инстинктов.

Хотя...

Когда это они – инстинкты, то бишь – уместно проявлялись? Что хотят, то и воротят!

Но, к делу!

– Мотя, цыц!! – рявкнул господин Бойцов.

Та заткнулась в сей момент, уселась на задние лапы и с обожанием уставилась на хозяина, выражая всем своим видом ожидание торжества справедливости и выдворения из владений чужого человека.

Девушка, услышав резкую, громкую команду, подскочила от неожиданности, развернулась на звук и испуганно уставилась на Кирилла.

Тот... засмотрелся на грудь барышни. Вопрос о форме и размере этой части тела мягко возник во время просмотра тылов незнакомки в русле все того же потакания здоровым мужским – охо-хо! – инстинктам.

Оценка качества женской груди заняла пару секунд и была прервана внутренним окриком претендующего на интеллигентность разума. Хозяин квартиры переместил взгляд на лицо изучаемого объекта.

– Что здесь происходит? – начальственным, требовательным тоном поинтересовался Кирилл.

Начальственным до глубины, с вдохновением и огоньком, а потому что рассердился на себя за неуместное и откровенное рассматривание девушки. На незнакомку тоже разозлился – ну, еще бы! – демонстрирует тут формы, попки, груди!

И тут Бойцов ее узнал!

«Так! Что за дела?!» – нахлобился на раздражение вопрос, следом за которым пришло разочарование.

Минуто назад Кирилл чувствовал нечто легкое, искрящееся в том, как улыбается, слушая ее разговоры с Мотей, рассматривает с удовольствием и глубоким одобрением формы, поругивает себя за эти рассматривания и все мужское, недремлющее – лето, солнце, немного хулиганства, искры!

Узнавание – и все изменилось!

Потухло, испортилось, став банально циничным. А потому что влет, сразу предположил, что она его разыскала с определенной целью. Естественное, между прочим, предположение!

Вполне! А что еще могло прийти на ум?

– Что вы здесь делаете? – арктически ледяным тоном затребовал немедленного ответа господин Бойцов.

Испуг от его неожиданной и громкой команды собаке исчез из ее глаз быстро, сменившись узнаванием и легким удивлением. Она улыбнулась, как на приеме, светски – без участия глаз, что выглядело бы даже комично – босая, с половой тряпкой в руке, а туда же – на бал!

Это если бы он ее не узнал – комично! А при таком раскладе, что они тут имеют, – подтверждающее все его мгновенные подозрения.

Вот на все сто пудов!

Она развела руки в стороны, указывая на разлитую по полу воду.

– Спасая вашу собственность.

– Со своей собственностью я разберусь сам! – отрезал хозяин квартиры, не меняя тона.

На резкость заявления девушка отреагировала весьма своеобразно, не соответствуя уже приписанной ей Кириллом роли, – сверкнули, сузившись, зеленые колдовские глаза, распрямились плечи, и, не уступая ни полградуса арктической температуре тона, ответила:

– Отлично!

И швырнула тряпку к ногам мужчины.

Та плюхнулась в воду, издав громкий шлепающий звук, будто жирная лягушка пипа суринамская – самая большая лягушка в мире – прыгала в болото. Или жаба? Что сути не меняет: данная тряпочная пипа, шлепнувшись определенным презрительным образом, обдала обшлагаи его брюк и туфли каскадом брызг.

– Уверена, у вас это получится лучше, – сопровождала свои действия пояснением девушка.

Не удостоив более Кирилла Степановича Бойцова ни словом, ни взглядом, царственной поступью обошла его и вышла из квартиры в распахнутую дверь.

Босиком!

– И что это было? – спросил он сурово у трепещущей обожанием Моти, не сводившей с него глазок-бусинок в ожидании спасения от безобразия, творящегося здесь.

Что это было, разъяснила влетевшая в находящуюся в бесприютном распахнутом состоянии дверь Валентина.

Громко. Подробно. Без остановки. Как обычно.

– Кирилл Степанович! Какое счастье, что вы пришли! Ужас у нас здесь совершился! У Васильевых, что над нами, идет ремонт! Ну, вы знаете! Так ихние строители что-то там неправильно в трубах соединили, и оно как потечет!! Хозяев-то нету! Энти гады, строители в смысле, не Васильевы, какую-то там опалубку залили, и она должна стоять сутки! А они, значит, не работают энти сутки! Козлы, ей-богу! Я прихожу – батюшки, свят! – у нас дождь с потолка! Все залито водищей!! Хорошо хоть в комнаты не протекло! Не успело! Я спасать, не знаю, за что хвататься! Хорошо Катерина Анатольевна пришла! Она меня к охраннику нашему, Мише, вниз-то послала! Мы с ним слесарей вызвали, они воду по всему стояку перекрыли и электричество отключили! А то как же! Говорят, замыкание может случиться! Дак мы с Катериной Анатольевной в четыре руки давай воду выгребать, а тут Миша прибежал, Васильевым-то дозвонился, на дачу-то, а они строителям втыкон дали, так те мигом прискакали. И часу не прошло! Миша-то говорит, идем, свидетелем будешь, чтобы запрока... ну, бумагу официальную подписать об энтот, как его? Ущерб, вот! Так я побегла, а Катерина Анатольевна осталась! Иди, говорит, справлюсь!

– Побежала, – машинально произнес Бойцов.

Поправить всю прочувствованную эмоциональную речь Валентины не смог бы и преподаватель русского языка. Кирилл и дети старались исправить разговорное произношение люби-

мой домработницы с глубинно-деревенского до приемлемого городского, имея далеко идущие планы по благополучному устройству Валюшиной жизни в городе Москве.

Дети имели и осуществляли планы, а он, Кирилл, соглашался и участвовал.

– Ну да, побежала, – согласилась та. – А где Катерина Анатольевна?

– Это та, что здесь полы вытирала?

– Ну да! Только не вытирала, а воду собирала. Надо же быстрее, а то паркет-то повредится совсем!

– Почему посторонних в дом пустила, Валентина? – нашел наконец подходящий объект для обвинений Бойцов.

Ну, не себя же виноватым чувствовать! И, собственно, в чем?

– Это кавой-то? – непонимающе захлопала веками она.

– Да вот, Катерину эту Анатольевну! – разъярился Кирилл.

– Что вы, Кирилл Степанович! – махнула на него обеими ручищами монументальная домработница. – Какая же она посторонняя! Это ж наша соседка снизу! Ее тоже затопило. Она и пришла узнать, может, это мы! А когда все разъяснилось, осталась помогать!

– Валентина, – назидательно-недовольно принялся отчитывать Кирилл. – Под нами живут муж с женой Ганины, никакой Катерины Анатольевны там отродясь не было! Ты же должна знать, тебя дети специально знакомили со всеми жильцами подъезда. Слава богу, их не так много, всего десять квартир!

– Ну, правильно! – обрадовалась та. – Ганины в Китай уехали на пять лет, а Катерина Анатольевна родная сестра Лидии Анатольевны, она теперь вместо них живет.

– Так! – поставил точку Кирилл, чувствуя себя, мягко сказать, душевно неуютно. – Ты уверена?

– А то как же ж! – рубанула с уверенностью. – Она здесь уж месяца три как живет! Вы что, не знали? Мы ж с Соней вам говорили!

Они с дочерью вообще много чего ему говорят с завидной регулярностью, но мозг господина Бойцова с не меньшей регулярностью фильтрует информацию, отсекая то, что кажется несущественным.

Как, например, наличие новой соседки.

Ах ты ж господи!

Некрасиво вышло! Он с ходу, с обычной мужской лестной самоидентификацией и ощущением собственной исключительности, основательно подпитываемыми женским неослабевающим вниманием, решил, что дамочка его преследует.

Ах, ах, ах! – богатый, молодой, холостой! – в бой!

И брать живым любым способом!

А что еще должен был подумать!?

Встретиться дважды в разных районах суматошно-денежной страны «Москва» случайно? Да ладно! Такого не бывает! Это не-воз-мож-но!!

Они виделись один раз, совершенно неожиданно, это абсолютно точно, но, увидев ее сегодня, Кирилл мгновенно решил, что она его преследует. И поводов для подобных подозрений хватало! До фига!

Одна не в меру ретивая красотка, чтобы познакомиться с ним поближе, использовала старый, но проверенный способ – имитировала столкновение с его машиной, шагнув под капот в точно рассчитанных как месте, так и времени и скорости движения его автотранспортного средства.

Хотя, видит бог, он не олигарх, не депутат какой, не шоу – черт бы их побрал! – мен, чтобы так уж его добиваться. Не ходит ни на какие тусовки, рестораны посещает с конкретной целью поесть, и практически никогда для свидания, – нормальный трудоголик, с полным набором отрицательных качеств, присущих крупным бизнесменам, выстроившим собствен-

ное дело, с трудным характером, больной спиной, двумя детьми-подростками, домработницей богатырских габаритов и задрипанной собачкой Мотей.

Невесть какой «подарок», с его точки зрения. И тем не менее...

Вот сразу и подумал, что девушка из отряда жаждущих матримониально-денежного счастья.

Что теперь, извиняться? Ага! И облечь в слова мысли, чтоб наверняка! Мало ли что он там подумал, не сказал же! Ну, поняла она, в чем ее заподозрили, и что?

И ничего! Некрасиво, конечно, но виноватым себя чувствовать не собирается!

Кирилл Степанович Бойцов отдал себе приказание: забыть!

Приказы себе у него всегда получались исключительно!

Сработало и на этот раз... Только вспомнилось, как поманили куда-то ее зеленые, необычного яркого насыщенно-изумрудного оттенка колдовские глаза... Тогда, когда они встретились странным образом, и общались-то не больше часа, а он запомнил лицо, глаза, улыбку, голос такой... такой... будоражащий.

И помнил еще несколько дней. Нет-нет да и всплывет среди дел суетных воспоминание, прокатывая теплой приятной волной внутри...

А потом забыл.

Так. Ладно. Проехали.

– Валентина, что застыла! Собирай воду! – приступил к ликвидации последствий аварии господин Бойцов.

Достал сотовый, позвонил секретарше, вызвал бригаду с ближайшего объекта, отдал четкие указания и приступил к осмотру и оценке нанесенного потопом ущерба жилищу.

– Нет, ну надо же, а! – возмущалась Катерина, шлепая босыми ногами на свой этаж.

То, что он ее узнал, поняла, как и то, за кого принял, тоже поняла и весьма отчетливо – к гадалке не ходи! – выражение его лица сомнению не подлежало!

Ой, ой, ой! Можно подумать! Кубок «Золотого шлема»! Джекпот, самый большой выигрыш на скачках! Хрустальная призовая ваза в женских кулачных боях за счастье!

Да кому ты нужен!?

Прямо барышни к тебе в окна ломаются, под машины кидаются, на куски рвут!

«А может, и рвут? – подумалось неожиданно. – Может, и кидаются, и в окна лезут? Мне-то откуда знать? Отчего-то же решил, что я за этим интересом явилась, значит, прецеденты имели место, раз пуганый такой!»

И на самом деле, ей-то откуда знать?

По нынешней шкале ценностей он-то как раз призом во всех соревнованиях вполне может выступать – богатый, интересный, нестарый и холостой – информация, почерпнутая из неиссякаемого источника – словоохотливой Валентины.

Ну и черт бы с ним! Я-то тут при чем?!

Для подкрепления неприятного ощущения облитой грязью гражданочки присовокупилось осознание того, что она мокрыми ступнями насобирала всю подъездную грязь, существующую только в ее медицинском воображении. Лестницу-то в этом элитном домике мыли каждый день, и не отмазки ради, а как положено, с моющими средствами, почти любовно!

А уж то, что все это – подозрения пуганного женщинами соседа, грязь с ног – неизвестно когда можно будет смыть – воду-то отключили по всему стояку! – добавляло недостающих до закипания раздражения градусов.

Невероятно хотелось в душ, выпить горячего зеленого чая и спать! Она устала, вымоталась после ночного дежурства и тяжелейшей операции.

А тут такие дела!

Она узнала этого Кирилла Степановича сразу. И успела на пару секунд почему-то обрадоваться, до того, как прочла в его глазах осуждающие выводы в свой адрес.

– Странно, – подивилась вслух Катерина. – А тогда совсем не показался придурком с завышенным самомнением... Ой, да и ладно! – тут же окончательно раздражилась она. – Да и бог с ним! Чего вдруг завелась? Сто лет он тебе сдался!

Действительно, сто лет!

Ерунда это все и лирика! Надо воду с пола собирать, открыть все окна-двери, проветривать и сушить помещения, и оценить наконец масштаб разрушений!

«У него красивые глаза», – проскочила предательская мысль, подивив девушку.

Правду говоря, они тогда встретились при не совсем обычных обстоятельствах.

Странно.

Она планомерно обходила парк в поисках подходящего местечка для Петрушиной могилки. И это должно быть не абы какое место, а что-то на пригорке, непременно с хорошим видом на пруд, усадьбу вдалеке, прохаживающихся по дорожкам людей, чтобы Петрушеньке было спокойно и радостно. Словом, в полном соответствии со сложившейся в ее воображении умиротворяющей картинкой.

В процессе поиска подобрала пригодный на роль могильной плиты плоский камешек, сорвала парочку первых весенних проклюнувшихся цветочков и таки нашла, что искала.

На пригорке, на открытом месте, в двух метрах от молодых сосенок, небольшой холмик, как раз с открывающимся прекрасным видом – именно то, что надо!

Подстелив целлофановый пакет на землю, Катя встала на колени, достала из сумки железный садовый совочек, взятый напрокат у соседки для осуществления захоронения, вынула трупик Петруши, заботливо завернутый в новехонький мужской носовой платок, купленный сегодня, выступающий в роли савана, вздохнула печально и приступила к рытью могилки.

Минут через пять безрезультатного тюканья совком девушка укрепилась в подозрении, что долбит камень, присыпанный небольшим слоем земли. Она сдвигала копательные работы в разные стороны от первоначально намеченного места, но результат не менялся – камень!

Чертыхаясь потихоньку, Катька упорно продолжала попытки, представляя, как эти копания да и она сама выглядят со стороны, но уж больно местечко было подходящее, и совсем не хотелось искать другое.

– Помочь? – раздался над ней низкий мужской голос.

Катерина повернула голову и увидела туфли.

Дорогие такие, мужские туфли известной фирмы. В таких по весенним паркам не ходят. И вообще нигде не ходят, только от лифта к кабинету, и от него же к машине, через мраморный холл.

По мере продвижения взгляда вверх следовали брюки, пиджак, белая рубашка, галстук все того же ролевого денежного направления, что и туфли – от машины через холл в кабинет и обратно – и мужчина, упакованный во все это.

Больше вопросов он не задавал, присел на корточки, мягко, но настойчиво забрал у нее совочек, присмотрелся к местам проведенных земельных «изысканий».

– Вот здесь, – указал сантиметрах в двадцати в стороне от, как подтвердили испытания, каменного холмика.

Быстрыми, сильными движениями выкопал глубокую ямку, посмотрел, явно остался доволен результатом и вернул совок.

– М-да, – прокомментировала она свою несостоятельность как гробовщика и сноровку добровольца-копателя.

Комкать церемонию из-за присутствия постороннего не стала, неспешно опустила Петрушу в ямку, старательно засыпала землей, прихлопнула пару раз совочком, водрузила камушек, возложила цветочки, печально вздохнула, прощаясь.

Дождавшись конца траурной церемонии, мужчина поднялся с корточек, подхватил Катерину под локоток, помог ей встать.

– Спасибо, – за все сразу поблагодарила она.

– И кого мы похоронили? – спросил серьезно незнакомец. – Убиенную вами мышь или любимого хомячка?

– Я не столь кровожадна, чтобы убивать мышей, и не так инфантильна, чтобы держать хомячка, – улыбнулась уголком губ Катерина и, выдав очередной слабо скорбный вздох, разъяснила: – Это был Петруша, волнистый попугайчик. Член семьи.

– Давайте знакомиться, – предложил он, протянув раскрытую для рукопожатия ладонь.

«Ну надо же! – подивилась девушка, рассматривая большую ладонь. – Весь такой стильный, в костюме и туфлях того еще уровня, при апломбе, соответствующем костюму, и так явно, как красный флаг, сам себе нехилый начальник, а руки, как у грузчика, все в застарелых мозолях!»

Катя обратила на это особое внимание, когда незнакомец копал. Большие, широкие ладони с длинными пальцами – слава тебе господи, есть еще герои! – без маникюра, модного ныне у хозяев мужской жизни страны. Понравились ей эти руки!

– Я не знакомлюсь на улице, – тоном скромненькой смолянки призналась она.

– Придется! – улыбнулся он. – Это обязательное условие я выставляю всем дамам, которым рою ямки!

Вот лучше бы не улыбался!

Улыбка смягчала начальственную суровость, молодила, делая привлекательным. Загорелись смешинками светло-карие глаза, на правой щеке появилась ямочка, превращая в нормального симпатичного мужика из холодно-отстраненного хозяина жизни.

Катерина сдалась.

Положила свою ладошку в его протянутую руку.

– Кирилл, – представился он, продолжая дружески улыбаться.

– Катерина, – отозвалась она. – Кирилл...

Наклоном головы и чуть приподнятой бровью призвала огласить отчество.

– Степанович, – усмехнулся другой смысловой улыбкой «Степанович».

Улыбка понимания. Наверняка у него в арсенале улыбок этих на все случаи жизни, вариантов не счесть!

– Предлагаю помянуть усопшего, – выдвинул идею новый знакомый.

– Трагически погибшего, – уточнила обстоятельства кончины пернатого Катерина.

– Тем более. Чаем? Кофе? Вином? Водочкой? Или по классике: только чистый спирт? – немудрено шутил Кирилл Степанович.

– Это мое второе железное правило, после «не знакомиться на улице», – вновь смоляночкой заявила она. – Не принимать предложений испить совместно для закрепления знакомства.

– Поскольку вы уже нарушили первое, да к тому же я принимал активное и непосредственное участие в погребении, думаю, и это правило можете с чистой совестью обойти.

Кирилл попал в этот парк, да еще в середине рабочего дня, настолько случайно, что по всяким определениям было так же невозможно, как, скажем, схождение солнца со своей орбиты: то есть теоретически, чем черт не шутит, но практически без каких-либо вариантов. Он ехал с объекта, умаялся в крошечных пробках, а ему требовалось подумать, лучше всего в тишине и покое, и уж всяко не отвлекаясь на процесс вождения машины, который в пробках больше напоминал игру из серии «не успел – пропусти другого», и так по полметра в минуту в лучшем случае.

Бойцов обладал устойчивой психикой, но у любого терпения есть свойство заканчиваться, и, поддавшись секундному импульсу, он, перестроившись через ряд под припадочные сигналы участников дорожно-транспортного ползания, свернул на парковочную площадку возле парка, мимо которого проезжал в тот момент.

День на дворе происходил будний, он же – рабочий, места на стоянке имелось в избытке – выбирай не хочу! Остановив машину у самых парковых ворот, мужчина посидел немного, поражаясь самому себе, выбрался из машины и неспешно пошел в парк.

Идея оказалась весьма успешной: где ж еще хорошо думается, как не на природе, под неторопливый прогулочный шаг! Сразу свернул с центральной дорожки на тропинку, петляющую между деревьев, и шел без всякого направления, думал, размышлял, с удовольствием вдыхая весенний, насыщенный обновлением воздух.

И вдруг заметил эту девушку, которая стояла на коленках и безуспешно пыталась копать камень.

Почему остановился и подошел к ней?

Почему решил помочь?

А бог его знает!

Может, из-за темно-рыжих, с медным отливом волос, собранных в хвост, непокорных прядок, вырывавшихся из плена, подхваченных ветром, который, шутя, все кидал их ей в лицо, а она откидывала изящным движением головки. Может, из-за тонкой коленопреклоненной фигурки. Может...

А когда незнакомка посмотрела на него, Бойцов вспомнил про все самое мужское!

У нее были необыкновенные глаза – большие, миндалевидные, с приподнятыми к вискам уголками, ярко-зеленого, изумрудного цвета, и еле различимые веснушки, упрямый подбородок, непростой взгляд и сжатые в недовольстве губы.

Мечта Ренессанса и гибель мужиков!

Между прочим, весна на дворе, и всем таким правильным пахнет в природе, и неожиданно припекающее солнышко, а у него редкий, скучный, диетически предсказуемый секс с безопасной Ириной.

Ах ты ж господи!

Кириллу все больше и больше нравились девушка, весна, парк, их беседа, ее чувство юмора, мимика и жесты, нарочито-театральные, которыми она подкрепляла рассказ, и сам себе он нравился, и чувствовал себя молодым, лихим, как Ворошилов на коне!

И все вместе, и удивление своим эмоциям, мыслям – нравилось!

А ведь хорошо-то! А!

– Ну ладно, – согласилась девушка. – Поминки – дело святое. Тогда минеральную воду в ближайшем кафе. Согласны?

– Вполне, – подтвердил готовность Кирилл Степанович.

Они устроились за пластмассовым столиком на летней террасе кафе, открытой по случаю вполне ощутимо припекающего солнышка последних апрельских деньков.

Им принесли воду и кофе, который посетители рискнули заказать в виде эксперимента и приятно обоюдно удивились качеству приготовленного напитка.

– Ну что ж, – приподняв свой стакан с минеральной водой, призвал мужчину. – С вас, Катерина, панегирик и повествование о трагической гибели попугайчика.

– Зря иронизируете, Кирилл Степанович, – вздохнула она театрально. – У Петруши была непростая жизнь и ужасная гибель. Ведь был совершенно необыкновенным попугайчиком. Умел говорить.

– Да ладно! – подивился тот. – Насколько мне известно, волнистые попугайчики не подражают звукам.

– Еще как! Правда, если живут одни. А Петруша всю свою попугайскую жизнь провел один, без подружки или пернатого собрата по клетке. Да и в клетке практически не жил.

– Что ж вы так? Не хорошо лишать тварей божьих радостей жизни! – попенял Бойцов.

– Он достался мне в уже преклонном попугайском возрасте, и радостей общения его лишала не я, а предыдущие хозяева.

– И что же говорил? «Петруша – дурак!»?

– Да вы что! – театрально-преувеличенно возмутилась Катерина. – Это был приличный общежитский попугай, много лет проживший в мужской комнате студенческого общежития, а мне достался от студента, проходившего у меня практику. И изъяснялся Петрушенька добротным отборным матом. А я научила его говорить «доброе утро!»

– Пробовали себя в дрессуре? – не переставал улыбаться Кирилл.

– Не без этого, – покаянно призналась девушка. – Правда, имелись некоторые недоработки, «доброе утро!» орал исключительно по ночам, но мы бы непременно добились лучших результатов, если бы не его безвременная кончина.

– И что же угробило прекрасного попугая?

Бойцов пребывал в состоянии расслабленной радости, такой теплой, переливающейся, спокойной радости – удивительное, давным-давно позабытое состояние души. Так необычайно нравилось, как она рассказывает, артистично подчеркивая эмоции, как искрятся веселыми чертиками ее глаза. И нравился этот день, парк, солнце, играющее лучами в ее волосах, и неожиданно достойный кофе в летней затрапезной кафешке в дополнение ко всему!

Господи боже, когда такое мироощущение посещало его последний раз?

– Петрушенька был вольной птицей, – отвлекла его от смакования собственных ощущений девушка. – Клеток не признавал, жил свободным орлом: летал и ходил где хотел. Я неоднократно его предупреждала об осмотрительности, но он был такой любопытный!

– И что же? – еле сдерживая смех в ожидании «трагического» финала, спросил Кирилл. Катерина издала очередной сценически-преувеличенный скорбный вздох:

– Я налила в тарелку только что сваренный суп, чтобы остыл. Он решил пройтись по краю тарелки. Поскользнулся. Упал. И сварился.

Бойцов захохотал, запрокинув голову. Во всю! От души! Как не смеялся миллион лет!

– Ужасный, трагический конец! – подытожила повествование Катя.

И рассмеялась вместе с ним.

Не удержалась.

Они допили кофе, поговорили нейтрально ни о чем – о разбушевавшейся весне, солнышке, похорошевшем ухоженном парке.

Мужчина предложил подвезти, она мягко, но безапелляционно отказалась. Кирилл подумал, не продлить ли это негаданное знакомство, обменяться телефонами?

Но девушка явной дистанционной отстраненностью давала понять, что продолжения не предвидится, и он, чинно расшаркавшись, сказал что-то там дежурно «про дела», встал из-за столика и пошел к выходу из парка.

И еще какое-то время поругивал себя в машине по дороге в офис:

«Да почему не предложил-то даже? Девушка уж больно интригующая – острит, искрит юмором. Играет, а сама закрыта, как Форд Нокс! И глаза такие загадочные. Не пускающие. Интересная! Очень! Катерина! Надо же, и имя такое... Совсем, что ли, хватку стал терять? Где ты сейчас таких встретишь? А нигде! Какого черта хотя бы телефон не взял!»

Подумал так еще немного, попенял себе, про возраст вспомнил, а потом забыл.

Переключился на дела насущные – и забыл.

«Странно, – думал Кирилл, руководя срочно прибывшей бригадой строителей для спасения квартиры от последствий затопления. – Как я вообще мог предположить, что она – охот-

ница за мужиками? Очевидно же, что эта Катерина – дамочка совсем иной целевой направленности! Что, так удивился, узнав ее, или совсем уж охренел от женского навязчивого внимания, или благоприобретенное подозрение всех?»

М-да! А ведь она прощелкала в момент все его мысли и подозрения!

Глазищами сверкнула, как ударила!

Неприятно, да и чувствуешь себя идиотом, но что ж теперь поделаешь, так вот некрасиво получилось! Не извиняться же!

Ладно, проехали и забыли!

«Странно, – поостыв от первой волны праведного гнева, размышляла Катерина, ликвидируя последствия потопа. – Он не произвел впечатления сноба. Нормальный такой мужик, не вписывающийся в стандарты денежно-благополучных идиотов. Ну, уставший, ну, загруженный делами и проблемами, но адекватный же!»

Ей удивительно легко шутилось с ним, гротесково-наигранно повествуя о тяжелой жизни друга Петруши. Она все присматривалась незаметно, немного удивляясь некоторым несоответствиям в образе. Опять-таки, костюм, туфли, рубашка-галстук, часы-запонки, и семафорящая в радиусе нескольких метров уверенность начальника жизни, а ямку копал с тем же спокойным знанием дела, с которым, наверное, переводил деньги с одного счета на Карибах на другой. Или где там они их переводят? – ну, на Кайманах, скажем.

И мозоли эти застарелые, вековые какие-то, и общая мощь, приземленность фигуры, как у атлета, или грузчика с тридцатилетним рабочим стажем. И улыбался искренне, и эта ямочка на щеке, так молодившая его, и глаза искренне смеялись, хохотал от души – раскованно, честно, как не смеются нынешние «господа».

Неужели дамы нашего московского королевства так уж запугали мужиков, приведя их в состояние стойкой обороны и защиты от посягательств на драгоценные тела и кошельки?

Даже пожалела его.

Ошибиться в оценке этого мужчины, и каких бы то ни было мужчин вообще, Катерина Воронцова не могла. Давным-давно научилась разбираться в людях, в характерах, скрытых мотивах, мыслях. Не поддавалась первому впечатлению – запоминала его, добавляя наблюдений, деталей. Хватало нескольких минут, чтобы понять, чего ожидать от незнакомого человека. Специально постигала это искусство – присматриваться, взвешивать факты, наблюдать за жестами, движениями, словами, замечать каждую мелочь, нюансы и делать выводы.

Ее целенаправленно и жестко учил этому Тимофей.

«Может, Тиму позвонить?» – подумала Катя.

Привычно подумала – ему хотелось позвонить всегда, и поговорить хотелось, особенно в трудные и сложные моменты.

Нет. Не будет звонить, не тот случай, ничего серьезного, чтобы дергать его, неизвестно в какой части страны находящегося, и родной ли страны вообще, и чем в данный момент занимающегося.

Так, ерунда мимолетная, а он напряжется, зная, что она без дела звонить не будет. Глупости, с чего вдруг придумала звонить!

Подумаешь, мужик чужой неверно оценил ситуацию и девушку, задев ее не в меру гордое самолюбие! Так у него на то свои причины и поводы.

Ах, ах! Девуленька обиделась!

Наплевать! Что ей этот сосед?

Никто и ничто. Вот именно!

И, приказав себе выбросить ерунду навязчивую из головы, Катерина Анатольевна Воронцова продолжила спасение квартиры от последствий потопа.

Тимофей...

Детство Катерины Воронцовой закончилось в возрасте восьми лет.

Конечно, оно не вот тебе – было, было и закончилось в один день, хотя конкретная дата, ознаменовавшая конец прошлой, детской, жизни и начало другой, совсем не детской, имелась.

Это день, когда ее привезли и оставили у бабушки Ксении Петровны Александровой навсегда. Правда, нынешней, взрослой, Катерине казалось, что никакой такой счастливой детской жизни до этого дня и не было вовсе – все это теплый сон зимой под пледом, сказка, прочитанная на ночь ребенку.

Семья Воронцовых была нормальной, среднестатистической, тогда еще советской ячеей общества – мама, папа, сестра Лида, старше на пять лет, и она, Катерина.

Младенчество свое Катя не помнила напрочь, может, потому, что воспоминания стерлись другой, нерадостной, жизнью, или потому, что сознание защищалось таким образом, чтобы не сравнивать и не знать про счастливое детство – может, но все ее воспоминания начинались с того момента, когда родители стали ругаться.

Как-то сразу.

Может, и раньше выясняли отношения, но делали это тихо, так, что девчонки не слышали и не видели. Для них все началось в один момент, с первого большого ночного скандала, перепугавшего их с сестрой до слез.

Родители кричали на кухне, не сдерживая возможностей голосовых связок, били посуду, а они испугались так, что шестилетняя Катька обмочила трусики. Лида затащила ее под свою кровать, спрятаться от беды подступившей, и все уговаривала не плакать и сидеть тихо, размазывая по щекам свои и сестренки испуганные слезы, прижав Катькино личико к своему.

Скандалы приобрели форму регулярных, и девчонки перестали забираться под кровать и не рыдали, уяснив детской уникальной способностью приспосабливаться к новым обстоятельствам, что самое главное в такие моменты не показываться родителям на глаза. Пару раз совершили эту ошибку – то Лида, то Катька кидались успокаивать, уговаривать разбушевавшихся «праведными» претензиями друг к другу родителей.

Нет, их, конечно, никто не лупил под горячую руку – боже упаси! Но мама хватала одну из них и кричала папе каким-то сильно неприятным голосом:

– Вот!!! Хоть бы детей постыдился!! Что с ними будет?! Скажи ему, дочка!!

Любой текст данной тематики, в зависимости от направленности скандала.

Они быстро поняли, что надо тихо сидеть в комнате в такие моменты и не высовывать носа, лучше и в туалет не ходить, если совсем уж не припрет, и даже вполне можно заниматься своими делами. И казалось им, маленьким, что комнатка – надежное укрытие от бушующих разборок взрослых.

Но скоро и она перестала иметь статус укрытия, тем более надежного.

Как-то ночью мама ворвалась к ним, сграбастала Катерину вместе с одеяльцем, принесла в гостиную и кинула папе на колени.

– Вот!! Твоя копия!! Расскажи ей, что мы тебе не нужны!!

Та перепугалась до ступора – словно онемела всем тельцем.

Как – не нужны?!

И смотрела, не моргая, на папу, от ужаса вцепившись в его рубашку, чтобы удержать.

– Идиотка!! – не уступил в громкости крика тот. – Зачем детей в это втягиваешь!

Отнес Катьку назад, уложил в кроватку, разжал ее пальчики, вцепившиеся в рубашку мертвой хваткой, поцеловал в лоб, погладил по головке и улыбнулся.

Печально так. Грустно.

И вышел из комнаты, вернувшись в скандал.

Теперь они ругались все время – и днем и ночью, как только оказывались дома вместе, совсем не обращая внимания на дочерей, находя любые поводы для претензий. Одним из них для повышения уровня ненависти друг к другу стало первое сентября – в Катериныны семь

лет, и «первый раз в первый класс». Что-то про то, кто отведет ребенка в школу и кто больше и тяжелее работает.

Первого сентября ее повела Лида.

Настал тот день, когда папа ушел.

Мама рыдала на кухне, а он зашел к девочкам, молча поцеловал в макушку Лиду, прижав к себе, погладил по голове, поцеловал еще раз, отпустил и шагнул к Катерине, поднял ее на руки и так сильно прижал, что ей стало больно.

Но она терпела, понимала, что происходит то самое страшное: «Мы тебе не нужны!» Расцеловал ее в лоб, в щеки, в носик, покачал немного на руках, поставил на пол и так же молча вышел из комнаты.

У них началась жизнь иная – втроем, без папы.

И в этой, другой, жизни мама Катерину не любила. Видеть не могла!

Это малышка поняла на следующее же утро, за завтраком. Мама жарила яичницу, нервно, раздраженно, нетерпеливо двигаясь, впрочем, в этом не было ничего особенного, к таким ее настроениям сестренки привыкли. Чаще всего в последнее время она вела себя именно так, а те отсиживались тишайшими мышками.

Но сегодняшний случай оказался особенным.

Так же раздраженно швырнула перед дочерьми тарелки с завтраком и надтреснутым голосом объявила новую диспозицию их жизни:

– Отец от нас ушел. Бросил. Лида, ты уже большая, тебе двенадцать, будешь вести хозяйство. Я работаю, у меня нет времени и сил. Катерина, ты тоже не младенец, будешь помогать сестре!

У младшей дочери навернулись слезки на глазах, так страшно звучали эти слова. И вдруг, неожиданно, мама закричала громким фальцетом, стукнув кулаком по столу:

– И никаких слез!! Прекрати немедленно!!

И уставилась на нее в ожидании немедленного исполнения приказа. А та никак не могла загнать слезы назад и все хлопала, хлопала веками, стараясь справиться с предательницами.

– Боже!! – возмущенно прокричала мама. – До чего ты на него похожа!! Видеть тебя не могу!! Иди вон из-за стола!!

Мама не могла видеть, разговаривать, пересиливала каждый раз себя, когда возникала такая необходимость, раздражаясь от одного вида младшей дочери.

А та никак не могла понять, почему мамочка ее разлюбила? Что же она такого сделала плохого и неправильного? И, по непосредственной детской логике, поняла, что надо срочно исправлять положение одним-единственным способом – стать очень, очень хорошей!

Училась на одних пятерочки, сама делала домашние задания, в классе была тиха и незаметна, как тень, стараясь не навлечь на себя недовольство учителей, не вступая ни в какие конфликты с одноклассниками. Дома научилась мыть полы, чистить картошку, мыть посуду, подставив табуреточку к мойке.

Ничего не помогало!

Увидев ее, мама менялась в лице, кривилась и отворачивалась. Зато с удвоенной силой полюбила Лиду.

Постоянно обнимала, целовала старшую сестру, улыбалась ей, они стали частенько засиживаться вдвоем на кухне, разговаривать о чем-то, когда Катька уже спала.

И незаметно, но быстро сестра отдалилась от Катюшки, переняв мамину манеру морщиться, глядя на нее, и совсем не по-детски шпынять по мелочам.

А папа не приходил.

Они как-то общались с мамой, это девочки знали точно, потому что каждый раз после их встреч мама долго кричала, обвиняла его в чем-то и обзывала разными злыми словами, но Катя не видела его очень долго.

И не к кому было пойти со своим горем.

Она тихонько плакала каждую ночь в подушку, оттого что никак не могла понять, что же такого натворила ужасного, что ее все разлюбили!

Это потом, много лет спустя, взрослая и мудрая Катерина понимала, во что превратили родители жизнь двоих маленьких девочек.

А тогда... Мама взвалила на двенадцатилетнюю Лиду всю тяжесть своей несостоявшейся личной жизни, пропитанной ненавистью к отцу и нескончаемыми обвинениями, сделав из старшей дочери поверенную подружку. Мать стала выпивать вечерами после работы и, усадив дочь рядом, часами жаловалась на жизнь, вселяя в ребенка уверенность, что отец – последняя сволочь, а Катерина как две капли воды похожа на него, его обожаемая доченька! А вот Лидочку не замечал!!

Весь этот бред брошенной обиженной женщины, как поток помоев, вылился на двенадцатилетнюю девчушку, исковеркав ее сознание, да и жизнь в целом.

К тому же мать взвалила на сестру все хозяйские дела, действительно много работая, а вечера предпочитая проводить за рюмкой, смакуя свои несчастья. И старшая дочь, наслушавшись этого, стала видеть в Катерине источник вечного раздражения и недовольства, тем более, в силу малолетства, та не могла разделить с ней все хозяйские заботы.

Отца Катя увидела через полгода.

Родители развелись и поделили между собой детей, можно догадаться как.

Катюшка с папой прожили вместе три непростых месяца. Холостому мужику, много работающему, живущему на съемной квартире, пользующемуся успехом у женщин, совсем не до семилетнего ребенка, о котором надо, между прочим, заботиться. Но он старался как мог.

Ее перевели в другую школу, рядом с домом, где они жили. Туда и обратно она ходила сама, без сопровождения, как и большинство детей в те годы – ключ от квартиры на шее, на длинном черном шнурке, чтобы, не снимая, открывать дверь. Ела в основном яичницу, которую научилась готовить, или разогревала то, что имелось в наличии, в кастрюльках. «Наличие» появлялось редко, когда тетя Оксана, папина подруга, приходила в гости и готовила.

Женщину, как и всех остальных, кроме папы, Катька тоже раздражала. Девочка к тому времени привыкла к подобному отношению и не удивлялась, окончательно уверившись, что таки сотворила нечто ужасное, про которое все знают, и простить ТАКОЕ никак нельзя, а значит, и любить ее нельзя!

И жила теперь с этим знанием.

Откуда же понимать ребенку, что тетя Оксана имела свои бабские виды на отца, куда ну никак не входила восьмилетняя девочка от первого брака.

Настало лето, и деть Катерину было совсем некуда. Родители папы, ее бабушка и дедушка, жили далеко – в Латвии, и к ним почему-то отправить ребенка никак нельзя, к маме – нечего и думать! О лагере мужчина не позаботился, и болталась дочь целыми днями на улице, предоставленная сама себе и рассеянному пригляду соседки, у которой свои дети имелись в количестве двух душ.

Вот тогда и наступил тот самый день!

Если бы она знала, как изменится жизнь, обязательно спросила бы взрослых точную дату, но маленькая Катерина не догадывалась и предположить не могла, что произойдет тем днем, поэтому и не уточнила дату и час «рубикона».

Всем своим существом чувствовала, что надвигается что-то плохое, мрачное. Что это может – ну а вдруг! – оказаться «хорошее», привыкший к исключительно плохим переменам ребенок и не рассматривал как вариант.

Папа все чаще смотрел на нее задумчиво и грустно, тяжело вздыхал, отводя взгляд, гладил по голове большой теплой ладонью и снова тяжело вздыхал. А девочка замирала пойманным кроликом, ожидая беды.

И она не замедлила явиться – ждали? – пришла!

Однажды он так повздыхал, повздыхал, погладил, погладил по голове и печально сказал:

– Катюша, тебе надо собрать вещи. Отвезу тебя к бабушке.

– В Латвию? – удивилась та.

– Нет, – покачал головой папа и загрустил еще больше. – К Ксении Петровне. Маминой маме.

– Нет! – забыла дышать от ужаса Катерина.

Свою бабушку, Ксению Петровну Александрову, она видела два раза в жизни, и этого вполне хватило. Вот более чем!

Суровая, холодная, не улыбкающая, высокая, худая старуха, основным жизненным кредо и принципом которой являлась жесткая дисциплина и порядок!

Дисциплина, порядок, подчинение наистрожайшему жизненному расписанию!

Дети, как разрушители двух священных постулатов, представляли для нее кровных классовых врагов, со всеми вытекающими из этого последствиями и мероприятиями по полному перевоспитанию. Даже от воспоминаний о тех двух встречах Катке становилось плохо и холодно в животе!

– Пожалуйста! Папочка! Не отдавай меня бабушке! Я буду очень хорошо себя вести! – стараясь не заплакать, взмолилась она.

– Да куда еще «хорошо»? – возмутился папа. – Ты и так как идеальный ребенок себя ведешь! Господи! – выдохнул он и сильно прижал дочь. – Бедная моя девочка! Что же мы с матерью с тобой сделали!

– Папочка, ты меня не отдашь? – девочка в надежде обвила его шею ручонками.

Она так надеялась!

– Я не могу, детка, – у него слеза потекла по щеке. – Мне надо в командировку, а оставить тебя не с кем. Это всего на месяц!

В квартире у бабушки пахло дезинфицирующими средствами, немного хлоркой, лавандой и еще чем-то, относящимся к чистоте, возведенной в степень больших чисел.

Катку оставили стоять в коридоре, возле сумок с ее барахлишком. Она давно хотела в туалет, писать, но боялась и звук издать, переминалась с ноги на ногу, а сердчишко билось от страха быстро-быстро и громко, она его слышала.

Взрослые ушли в кухню, закрыли за собой дверь, о чем-то долго говорили, оставив ее в прихожей.

– Стой здесь! – приказала бабушка внучке.

И так это сказала, что та приросла к месту и ни за что, ни за что не сдвинулась бы ни на сантиметр, даже если б описалась или сердце выскочило из груди.

Дверь, отделяющая кухню от коридора, открылась, вышли бабушка и папа.

Отец чмокнул дочь быстрым поцелуем в щеку, погладил по голове и молча вышел из квартиры. Долгую ужасную минуту женщина и девочка смотрели друг на друга.

– Иди за мной! – нарушила молчание приказом Ксения Петровна, возвращаясь в кухню.

Катке предстояло еще узнать, что разговаривала бабушка Александрова только таким тоном, в форме приказа, не допускавшим ни малейшего намека на возражения.

Села на стул, поставила перед собой внучку, прижала ее руки по швам сухими холодными ладонями, осталась довольна выправкой и, отпустив ребенка, произнесла речь:

– Слушай внимательно и запоминай навсегда. Повторять не буду. Жить станем вместе, и жить по моим правилам. Ты – обуза, мне совсем не нужен никакой ребенок на старости лет, но так случилось, что тебя некуда деть. Предупреждаю: если ты недисциплинированна и станешь слишком в тягость своим поведением, отдам тебя в интернат. Подъем в семь утра, полчаса на застилание кровати и утренние процедуры, завтрак в семь тридцать, наведение порядка после завтрака, в семь сорок пять ты выходишь из дома и идешь в школу. Опоздаешь

на завтрак – останешься голодной. Поскольку сейчас каникулы, в семь сорок пять выходишь из дома и гуляешь два часа. В девять сорок пять возвращаешься и помогаешь в уборке квартиры и готовке. В пятнадцать ноль-ноль обед, наведение порядка на кухне после обеда...

Она еще долго и много говорила, Катька не слушала, боясь, что прямо сейчас описается, да и не могла запомнить всего. Но бабушка-надзиратель предусмотрительно написала на листке бумаги поминутное расписание распорядка дня, которое вручила стоявшей по стойке «смирно» и боявшейся шевельнуться внучке.

А малышке все казалось, пока женщина говорила, что ее, как собачку Тотошку, посадили в клетку, и Ксения Петровна большим железным ключом закрывает замок.

Тотошку она видела в зоомагазине, куда они ходили с одноклассницей Верой, с которой сидели за одной партой еще в той, первой, школе. И повел их в этот замечательный магазин Верин папа выбирать дочке подарок на день рождения.

Там стояла такая клетка из железных прутьев, а внутри, на полу, устроив морду на скрепленные лапки, лежал пушистый песик и смотрел на всех грустными глазами.

К прутьям прикрепили табличку, Катерина прочитала: «Тотошка», написанное большими буквами. Еще что-то было ниже, мелкими, но это она пока прочитать не могла.

– Повторюсь, – продолжала монотонно говорить бабушка, – за свои дела отвечаешь сама, но если поступят жалобы от преподавателей на плохую успеваемость или недостойное поведение, если нарушишь расписание, я сурово тебя накажу и отправлю в интернат. На сегодня все. Думаю, три дня нам хватит, чтобы войти в новый распорядок жизни. А сейчас покажу твою комнату.

– Можно мне в туалет? – решила спросить Катька.

– Это так срочно? – недовольно спросила Ксения Петровна.

– Я очень хочу писать.

– Так говорить безграмотно! Придется еще и за речью твоей следить!

Но в туалет отпустила. Сидя на унитазе, Катюшка позволила себе одну совсем малюсенькую слезинку. Очень быстро утерла ее кулачком – кто его знает, как отнесется бабушка к слезам! Выяснять совсем не хотелось.

Маленькая комнатуха, метров десяти, с тоскливыми серыми обоями, односпальной кроватью, двухстворчатым шкафом, письменным столом, стулом, тремя полированными книжными полками над столом, стала на многие годы камерой тюремного заключения Катеньки Воронцовой.

И в тот момент, когда восьмилетняя девочка стояла на пороге этой комнаты, в детском мозгу что-то сместилось, и она ясно поняла, что в жизни больше не будет ни радости, ни веселья, ничего хорошего и теплого.

И надежды не будет. Детство кончилось!

Дисциплина, порядок, расписание!

Плац и строевая! Подъем – отбой! Ног у тяну-у-уть!

Но что-то живое, детская неистребимая вера в чудо и то, что все должно быть хорошо, взбунтовалось, просясь наружу, и шепнуло на ушко:

«Ничего, это только на месяц, а потом папочка меня заберет!»

Но отца она увидела спустя долгие годы.

И мать тоже.

А с Лидой встретилась полгода назад, и не по своей, а по ее весьма меркантильной инициативе.

Катерина стояла у распахнутого окна, смотрела во двор на шумно хлопочущую над своими «важными» делами детвору на маленькой детской площадке внутри дворика.

Что это вдруг прорвались воспоминания? Эти картинки из детства она себе запрещала. Разрешалось вспоминать только Тима и все, что вошло в ее жизнь вместе с ним. И ничего более!

Ну, устала, понятно, да еще неприятность с затоплением – этакий «подарочек» по возвращении домой с работы! И столкновение с соседом, оставившее неприятный осадок и легкое возмущение.

По квартире через распахнутые окна-двери свободно гулял, поигрывая, июльский ветер-сквознячок, щедро приправленный металлическим привкусом выхлопа машин, неистребимым в центре Москвы, от которого не спасало наличие маленького уединенного дворика, на который выходили окна.

Кондиционеры с необходимостью срочного высушивания помещения не справлялись. Пришлось прибегнуть к простым и, соответственно, непопулярным, радикальным средствам, а именно: подвергнуть все пространство банальному сквозняку, насыщенному июльской жарой запредельного градуса, распахнув настежь все открывающиеся вертикали, вплоть до входных дверей. Благо при повышенной охраняемости подъезда опасаться проникновения посторонних не приходилось.

А ей нравилось – успокаивал ветерок, свободно гуляющий по межквартирному пространству, шурша занавесками и страницами медицинского журнала, брошенного на столешницу.

«Соскучилась по Тиму, совсем соскучилась. Сильно, – подумала Катерина, давая определение своему состоянию. – Может, поэтому и впадаю в воспоминания. Сейчас бы рассказать ему, за кого меня принял мужик. Посмеялись бы над всеми моими «фи», обсудили бы. Господи, Тимка, где тебя носит Родина с ее заданиями?! И как я соскучилась, ты бы знал!»

Маленькая Катька, за пару дней начавшая взрослеть, совсем повзрослела от предательства, когда поняла, что ни папа, и никто не придет и уже никогда не заберет ее. Она уяснила, что главная задача – быть как можно незаметнее, безукоризненно следовать установленному порядку и ни с какими делами, просьбами, трудностями, проблемами к бабушке не обращаться, четко исполнять введенные ею правила, и все как-то обойдется.

По большому, гамбургскому, счету Ксению Петровну не интересовало, как живет и что делает внучка. Главное и первостепенное, чтобы та секунда в секунду следовала расписанию, хорошо училась, занималась самодисциплиной и приучалась к жесткому порядку.

Все!

Подъем, завтрак, школа, возвращение из школы, обед, выполнение домашнего задания, прогулка, уборка помещения, отведенное время на чтение классической литературы русских авторов, умывание, отбой.

Никаких телевизоров, кукол-игрушек, подруг-друзей, иных развлечений. Раз в неделю проверка дневника, поставив Катьку по стойке смирно перед собой.

За четверки прогулка сокращалась на час, заменяясь дополнительными занятиями по предмету и чтением классики.

Девочка сжималась от ужаса, представляя, какие последуют репрессивные меры, если обнаружится тройка или замечание о плохом поведении.

Но таковых, слава богу, не имелось, а вскорости ее стараниями и четверки исчезли со страниц дневника.

Всю одежду и обувь бабушка покупала сама, ни разу не взяв Катьку с собой в магазин для примерки. Ксения Петровна тщательно и планомерно обмеряла все размеры внучки портновским метром, вплоть до ступней ног, заносила данные в специально купленный для этих потребностей блокнот и ехала в магазин.

Нормальный человек может себе представить, как выглядел ребенок, одеваемый такой бабушкой!

Конечно, без всяких сомнений, среди сверстников она была девочка-изгой, уродина, нелюдимая одиночка, презираемая отличница, чучело.

У нее никогда не было подруг-друзей, ни даже просто хорошо относившихся к ней ребят. Нигде – ни в школе, ни во дворе. Положенные по расписанию два часа вечерней прогулки Катка просиживала на скамейке с книжкой, естественно классической русской литературы, предписанной к прочтению – шаг влево, шаг вправо – охо-хо....

Ее не трогали, не задевали, и не подходили ребята со двора, до такой степени она была сера и незаметна. Даже хулиганы, имевшиеся в наличии во дворе и окрестностях, – а как же без них-то, – не снисходили до общения или «наездов» на худой конец до Катерины, сидевшей смирной мышью на скамейке с книжицей на коленках, иногда в окружении местных бабuleк.

И произрос бы из этого дитяти какой-нибудь убогий овощ, удобренный уверенностью в своей «кругом ужасной виноватости», с подавленной окончательно в зародыше волей и характером, либо бунтующей пьянством, наркотой и всеми возможными элементами подросткового бунта идиотизмами, если бы не вошел в ее жизнь Тимофей.

Нет, не вошел. Правильнее сказать – она его втащила своими детскими ручками.

Стояло лето. Катерина прожила с бабушкой год.

Летом распорядок дня менялся в связи с окончанием учебы, заменяя школьные часы занятий чтением «правильной» литературы, посещением музеев, с обязательным устным отчетом об увиденной экспозиции и предъявлением входного билета на оную. Все остальное изменению распорядка дня не подлежало.

В музеи, кстати, девятилетняя теперь Катерина ходила сама, придумав одну-единственную во всех посещаемых заведениях отговорку для кассирш и билетерш на входе:

– Бабушка ушла вперед, а я догоняю!

Выдавать всегда с энтузиазмом и с улыбкой!

Срабатывало без сбоев! Да и кто бы заподозрил, что девятилетний ребенок, находясь в трезвом уме и твердой памяти, по собственной инициативе, в одиночку, станет посещать пыльные музеи, да еще во время летних каникул. Вы знаете такого ребенка? Вот и билетерши не знали.

Благо жили Ксения Петровна и Катерина в самом центре, до любого музея можно было если не дойти пешком, то добраться на троллейбусе или автобусе, не спускаясь в метро, что девочке категорически запрещалось.

Дальние музеи-усадьбы, типа Коломенского, Царицына и далее по списку достопримечательностей столицы, бабушка включила в распорядок летнего дня с четырнадцати лет.

Но оказалось, что штудирование классической литературы часами и музеи – не единственное изменение в летней жизни Катерины. Как-то Ксения Петровна, призвав внучку по правилам проводимых ими бесед «встань передо мной, как лист перед травой», проще говоря, навтыяжку по стойке смирно, огласила:

– Каждое лето я уезжаю на июль месяц к своей знакомой на дачу для оздоровления организма. Не вижу причин менять данный распорядок. Ты останешься здесь одна, но для тебя ничего не меняется, список литературы, которую необходимо прочитать за этот месяц, я составила, как и список музеев, необходимых к посещению. По моем возвращении перескажешь содержание прочитанного, а также представишь отчет о посещении выставок, приложив билеты. Список нужных продуктов я также составила, рассчитав твой ежедневный рацион. Магазин за углом, в соседнем доме, в другие не ходи, продавщиц предупредила. В остальном расписание дня такое же, за исключением необходимости готовить еду, что и как готовить, я тоже написала. Присматривать за тобой будет соседка Евгения Ивановна. Мы договорились, я ей за это деньги заплачу, а это расходы. Ты взрослая, справишься. Буду звонить со станции раз в неделю. По субботам. Свои координаты оставила Евгении Ивановне и тебе на тумбочке возле телефона. На случай непредвиденной экстренной ситуации. Все.

На следующее утро она отбыла с багажом на вызванном такси. А Катька не знала, радоваться ей или пугаться.

Бабушку боялась все время, даже когда спала, во сне, боялась. Ксения Петровна давила на нее, как пресс на цыпленка табака, и, только дверь за ней закрылась, дитя первый раз за год выдохнуло с облегчением.

Но она никогда не оставалась одна. То есть совсем одна!

Без взрослых!!

Подумав, Катюшка решила, что лучше пойдет читать, и будет читать много-много, чтобы побыстрее справиться с каторжным списком литературы, а потом... когда все прочитает, может, посмотрит запретный телевизор в бабушкиной комнате – тихонько, без звука, чтобы никто не услышал, одним глазком!

Но на полдороге от входной двери к комнате и обязательному чтению, почувствовав себя практически вольной птицей, решила на страшное!!

Включить – на полсекундочки! – запретный телевизор прямо сейчас!

Она только посмотрит совсем чуть-чуть, а потом – читать!

Ага! Тот случай!

Телевизионный провод был предусмотрительно удален из агрегата и, видимо, надежно спрятан в таинственные и недоступные глубины бабушкиного шкафа.

Посмотрела....

Всерьез предполагая, что Ксения Петровна всевидящим оком, простирающимся аж из самого загадочного «Подмосковья», следит и все про нее знает, девочка исполняла с точностью швейцарских часов расписание по всем правилам.

Целых три дня!

И исполняла бы дальше, до самого бабушкиного приезда, если бы...

В первый же вечер отсутствия Ксении Петровны Катерина узнала, как именно будет протекать «присмотр» за ней соседки.

Ровно в девять вечера – секунда в секунду – в дверь позвонила и сразу же открыла своим ключом Евгения Ивановна.

– Как у тебя дела? – спросила неизвестно у кого.

Ответ ее не интересовал, как и сама Катерина. Не глядя на подопечную, она прошествовала в квартиру.

И первым делом отправилась в комнату ребенка, проверила на предмет идеальной застеленности покрывало на кровати, заглянула под кровать, проведя пальцами по полу, проверила письменный стол, название книги, лежавшей на нем, номер страницы, на которой она была раскрыта, открыла и проверила шкаф, кивнула удовлетворенно и пошла инспектировать дальше.

Досмотр проходил по всем правилам обыска. Если бы Катька что-то знала о тюремно-исправительных заведениях, то заподозрила бы, что соседка профессиональная надзирательница, настолько дотошно та проводила проверку.

Обследованию не подверглась только бабушкина комната – туда Евгения Ивановна позволила себе заглянуть, удовлетворенно хмыкнула и осторожно прикрыла дверь. Девочка тут же поняла, что бабушку соседка боится не меньше, чем она сама. И не рискнет потревожить помещение даже мимолетной проверкой.

Зато кухня, ванная, туалет были обследованы на предмет выявления грязи, мусора, крошек на поверхностях и иного непотребства.

Ничего вышеперечисленного не выявившая проверка закончилась в прихожей прощанием с инспектирующей дамой.

– Молодец, все у тебя чисто и в порядке. Закрой за мной дверь на все замки, я постою, послушаю, как закрываешь, и ложись спать.

Посещения утвердились ритуалом и повторялись каждый вечер в течение месяца.

Каждое утро Катька встречалась с Евгенией Ивановной у подъезда, когда выходила на «прогулочные» два часа, соседские бабульки компанией уже сидели на скамейке – это в семь сорок пять-то утра! Девочка вышколенно здоровалась, они отвечали, на этом общение заканчивалось.

В те приснопамятные времена, все еще советские, но уже «перестроечные», центр Москвы, в котором они жили, хоть и считался престижным, но далеко не весь и не с таким ажиотажем, как нынче. Вот к такому «не весь» их дом и относился.

То есть дом-то сам по себе был старинный, в четыре этажа, с высокими потолками и внушительными метражами как комнат, так и кухонь-коридоров, но проживала в нем совершенно разношерстная по социальному статусу публика.

От академика в первом подъезде, семья которого занимала весь верхний этаж, то есть две квартиры, с подъезжающей за ним каждое утро черной «Волгой» и личным автомобилем «Жигули» в гараже. До слесаря завода «Серп и Молот» во втором подъезде, неизвестно какими судьбами поселившегося в центре, а также двух семей вечно дерущихся алкоголиков.

Ну, они тоже где-то и кем-то работали, ибо в те времена не работать не удавалось, но их основной статус определялся употреблением алкогольных напитков, их количеством и последствиями для окружающих производимого на организм действия.

А так как рыбак рыбака, то обе семьи обитали во втором, среднем, подъезде, к горю трезвых соседей.

В их, третьем, стояла тишь и благодать. По большей части оттого, что народ проживал мирный, работающий, но далеко не последнюю роль играло то, что все до оторопи боялись Ксению Петровну Александрову, некогда бывшую партийной начальницей, сохранившую и на заслуженном отдыхе связи и хватку в разговоре с чиновниками любого уровня. Перед ней даже участковый и милиция стояли навытяжку.

Так что заявление в виде угрозы, что она отправит внучку в интернат, при живых родителях, не лишенных родительских прав, отнюдь не было голословным, это Катька уяснила в первые полгода совместного проживания.

Впрочем, не только жильцы их подъезда, а весь дом трепетал перед ней, боясь до дрожи и уважая до спертости дыхания, и шли к ней на поклон с просьбами помочь в чиновничьих разборках, когда подпадали под таковые.

Товарищ Александрова выслушивала, придирчиво изучала документы и бралась помочь – «королевство» ей было маловато, а повоевать по привычке хотелось. Не всем и не всегда, правда, помогала, но, если бралась, выигрывала всегда, любые дела.

Единственное, с чем не удалось справиться, это выселение из дома потомственных алкоголиков. Вот не заладилось что-то в верхах, у тех обнаружили свои родственные связи в администрациях, и Ксении Петровне, как ни просили жильцы дома, пришлось отступить.

Впрочем, ее это мало касалось, самой рядом с ними жить не приходилось.

Естественно и разумеется, что дети из этих семей стремительно шли по стопам родителей, являя собой самых отъявленных хулиганов в районе, в компании с отпрысками таких же родителей из соседних домов.

Вот на одного из них Катерина и наткнулась в подъезде, возвращаясь с вечерней «прогулки».

Она теперь стала уходить со двора не в девять вечера, а на полчаса раньше, чтобы успеть перед вечерней проверкой навести идеальный порядок. Специально с собой маленький будильничек брала, не забывая его заводить каждый день.

На площадке между третьим и ее, последним, четвертым, этажами возле батареи, свернувшись калачиком, лежал мальчишка. Рубашка на нем была порвана в нескольких местах и заляпана какими-то красными пятнами.

Катерина и не испугалась вовсе, присела возле него на корточки и потрясла за плечо.

– Ты чего? – спросила она.

Тот резко дернул плечом, сбрасывая ее руку, застонал сквозь зубы от сделанного движения и зло, грубо ответил:

– Не трогай меня! Отойди! – и тихо, самому себе, уговаривая, что ли: – Мне только отлежаться, отлежаться... у меня там нельзя, там отец найдет...

Не отошла и не отстала, быстро соображая, что сейчас, вот совсем скоро, Евгения Ивановна поднимется по лестнице, направляясь с проверкой в их квартиру, и наткнется на мальчишку. Конечно, прогонит его из подъезда, или милицию вызовет, или «детскую комнату милиции», о которой подробно, старательно и часто рассказывала бабушка.

Катерина снова тряхнула его за плечо.

– Нельзя тебе здесь лежать, прогонят!

– Мне бы в подвал... на свое место, – не поворачиваясь и не меняя позы, ответил он, – да не доберусь... там спускаться нужно. Сюда еле дополз, через черную дверь.

– Ты же смог почти на четвертый этаж подняться? – удивилась девочка непоследовательности размышлений.

– Наверх ползти легко. На первом и втором нельзя, там в глазок чуть что смотрят, на третьем эта «подписка» Евгения живет, на четвертый тоже нельзя, там стерва Александрова, но она вроде как уехала.

Столь длинная речь далась ему с трудом, это она поняла.

– Уехала, – подтвердила Катерина и даже кивнула головой, хоть он и не мог этого видеть. – Но Евгения каждый вечер проверяет квартиру, сейчас, совсем скоро пойдет! Вставай, надо уходить!

И затрясла его за плечо со всей силы.

– Да не тряси меня! – прикрикнул он – Не могу я встать! А в ментовку нельзя!

И втянул воздух с хрипом и сипением, как в порванный футбольный мяч.

– Что же нам делать? – спросила озадаченно Катка.

– Тебе ничего! Вали отсюда! Сам разберусь!

– Как, если встать не можешь? – уточнила любопытная девочка.

– Слушай, иди на хрен! Отстань!

Ни на какой такой загадочный «хрен» она не пошла, а приняла решение иного рода. Странное, непонятно как пробившееся через полную затюканность и безропотную подчиненность. Первое и самое главное решение в ее жизни, раз и навсегда изменившее всю эту самую жизнь, изменившее ее саму, раскрыв настоящую, спрятанную до поры под замком страхов Катерину Воронцову!

Откуда что взялось?!

– Ты сможешь еще по лестнице пройти? Всего пол-этажа? – спросила она.

Мальчик медленно, экономя силы и сдерживая боль, повернул голову и посмотрел на нее.

Катка аж пискнула, рассмотрев незнакомца – его так сильно избили, что на лице не было живого места, нет, может, оно и было, но все залила уже подсыхающая кровь, только яркие-преяркие голубые глаза зло смотрели в упор.

Глаза никогда не сдающегося щенка, волчонка. Этот не будет, как «Тотошка» из клетки, жалостливо-просяще смотреть на людей, этот впечется зубами в руку врага на последнем дыхании, собрав запредельным усилием все силенки для мести!

– А ну, вали отсюда, писявка! – совсем по-взрослому громко гаркнул он.

Катя снова не испугалась, подвинулась ближе и стала просовывать ладони ему под мышки, чтобы помочь двигаться.

– Давай скорей! – торопила она. – Скорей! Надо очень быстро!

Он рассматривал ее совершенно взрослым взглядом, как дикобраза какого-то, который по определению здесь не может быть, а вот поди ж ты, образовался незнамо как.

– Сдурела? Тебе ж влетит!

– Быстрее! – пыхла девочка, тщетно стараясь его приподнять.

Будильничек, лежавший в кармане «прогулочного» серого, как безысходность, платица, преобильно стучал по коленке, но она не обращала внимания, занятая самым важным в жизни делом.

Мальчик сдался под таким напором решительной незнакомки и прохрипел:

– Отодвинься.

Катка отскочила пулей. Тот перевернулся на другой бок, быстро-быстро задышал, закрыв глаза, полежал так пару секунд и встал на четвереньки.

– Отойди... – просипел придушенно.

Катка шагнула в сторону, освобождая дорогу.

И он пополз...

Она пару раз пыталась помочь, поднимаясь по лестнице рядом с раненым, но тот останавливал ее порывы фронтальной медсестрички:

– Не надо...

Смог добраться до площадки четвертого этажа и упал.

До двери ее квартиры оставалось всего три метра, но именно на них у мальчишки не осталось никаких сил.

И неожиданно у Катюшки стали так быстро и четко соображать мозги, как далеко не у каждого взрослого! Она метнулась к двери, отперла и распахнула настежь, подбежала назад к пареньку, подхватила его под мышки, попробовала тащить, но не смогла даже с места сдвинуть.

– Помогай! – прокричала приказ. – Я одна не втащу!

Он тихо стонал, совсем уж не открывая глаз, но крик слышал и стал отталкиваться от пола ногами. Девочка напрягла все свои маломощные силенки и подивилась, что им удалось довольно проворно переползти через порог.

Во всей квартире имелось только одно место, которое не подвергалось тщательному ежевечернему досмотру.

Запрет из запретов! «Не входи – убьет!»

Крамольнее придумать ничего уже невозможно – покушение на жизнь вождя, бунт на корабле, революция среди аборигенов!

Тем же порядком – она тащит, он отталкивается ногами – ребята быстро добрались до места, намеченного Катериной, а именно: бабушкиной кровати.

Бунтарка, перевернув мальчика на спину, затолкала его под кровать и строго-настрого предупредила:

– Лежи тихо! Сейчас Евгения придет с проверкой!

– Мне только отлежаться... – прошептал тот еле-еле.

Но она уже не слушала – поскакала быстрой белочкой убирать следы варварского вторжения. Перво-наперво надо смыть все на лестнице!

Возле батареи, где он лежал, остались кровавые лужицы, от которых протянулся след до самой квартиры – не ручьи-реки, но отчетливо заметные дорожки. Девочка по-деловому достала будильничек и посмотрела на циферблат – без семнадцати минут девять!

На все про все у нее семнадцать минут! Нет, сообразила она, – пятнадцать! Две минуты Евгения Ивановна потратит на подъем по лестнице! Так! Даже если сейчас все смыть, останутся мокрые отпечатки до самой квартиры, высохнуть не успеет!

Тогда надо вымыть кровавые дорожки только на площадке этажа, здесь и следа-то совсем чуть-чуть, значит, мочить сильно не придется!

Подставив тряпку под струю воды в ванной, она рассуждала вслух:

– А что там, на лестнице, я не знаю! Я хорошая девочка, дома сижу, книжку читаю, а что там, на лестнице, не знаю!

Вытерла еле заметные следы от верхней ступеньки до двери, присмотрелась: ничего не видно и сохнет быстро. Теперь навести полный порядок в квартире!

Здесь быстро управилась – во всех подотчетных ей помещениях чистота и порядок присутствовали изначально, а от входной двери и до самой бабушкиной кровати справилась моментально!

Подняв длинное, до самого пола, покрывало с висюшками по краям, проверила мальчика. Он лежал на боку, спиной к ней, как его перекатила, и часто, но тихо дышал.

– Подожди немного, я скоро, – пообещала девочка. – Ты только тихо совсем лежи!

Катюшка, находясь в новом для себя, незнакомом состоянии – быстро думать все-все важное и действовать – сообразила перевернуть странички в книжке, которая лежала на письменном столе в ее комнате, эта Евгения Ивановна заметит, на какой странице она остановилась! На улице-то Катерина другую книжку читала, разрешенную к выносу из квартиры, не то, что эта!

Сегодняшняя вечерняя поверка отличалась небольшим разнообразием от предыдущих в том, что Евгения Ивановна, открыв дверь своим ключом, сразу спросила:

– Что это за кровь на лестнице?

– Я не знаю, – спокойно и предельно честно ответила девочка.

– А ты, когда по лестнице поднималась, следы видела?

– Нет, ничего не было, – тем же тоном отрапортовал ребенок.

– Странно, – рассуждала соседка. – Что это? Может, собака какая бездомная прибилась? И, главное, до площадки след есть – и все!

– Я не знаю, – повторила Катенька.

– Ну, конечно! – смягчила тон Евгения Ивановна, обратив взор на ребенка. – Откуда тебе знать, ты небось читала как обычно?

Та утвердительно кивнула – «небось»!

– А если бы что-то случилось или ты бы услышала что непонятное, сразу бы мне сказала, – выдала проверяющая.

– Конечно, – подтвердила готовность к сотрудничеству подопечная.

– Ладно, разберусь! Опрошу всех соседей! Не хватало, чтобы у нас собаки всякие драные в подъезде прятались! Ну, идем, деточка, посмотрим, как у тебя тут дела?

Дела у деточки оказались в полном казарменном порядке, соседка осталась удовлетворена проведенной проверкой. У Катюшки сильно-сильно стучало от страха сердечко, и она все переживала, как там мальчик, но ходила по пятам за Евгенией Ивановной и напоминала себе, что надо очень стараться выглядеть как обычно – то есть никак, серо.

Именно сейчас происходил первый в ее жизни реальный урок бытового лицедейства и появилась первая страшная тайна. Небольшие, маленькие, у Катеньки имелись, а вот большая...

Эта черствая, ограниченная, пресмыкающаяся перед Ксенией Петровной женщина ни разу за весь месяц не спросила у девятилетнего ребенка, предоставленного самому себе, ела ли она сегодня и что, хватает ли у нее денег, как себя чувствует, не болит ли что, да, в конце концов, – не боится ли оставаться одна! С удовольствием и наслаждением исполняя роль требовательной надзирательницы, предложенной старшей и уважаемой до благоговения и бздения подругой, во всем стараясь подражать ей!

Разве могла она заметить испуг маленькой девочки, ее напряженность или что-то указывающее на непорядок у «личного состава» вверенного ей подразделения?

И не заметила!

И не замечала ни черта еще много дней!

Закрыв дверь на все замки за Евгенией Ивановной, Катерина не побежала стремглав к мальчику, а стояла и размышляла.

Ему нужна помощь. Медицинская, и срочно!

Вызвать «Скорую» по телефону, по-взрослому, не могла, не потому, что не умела – умела, и еще как! – это проходило отдельным бабушкиным уроком: вызов экстренных служб в случае необходимости и при первых признаках непорядка! Но имевший место в данный момент непорядок – особый случай. Вызови она ему врачей – можно вот прямо сейчас, без лишних вопросов начинать собирать чемодан и – «здравствуй, интернат!», а мальчику – милиция, или что там еще для неблагополучных подростков!

Значит, на помощь взрослых рассчитывать не приходится. Но она об этом знала, когда принимала решение спрятать его у себя.

Таблетки, бинты, вата, йод, зеленка, перекись водорода – все имелось в доме на случай травм, но стояло на таком суперстрогом учете у Ксении Петровны, что пользование чем-то из препаратов будет замечено обязательно, и потребуются отчет. То же касалось и продуктов питания, и денег, оставленных на них, – отчет о любом перерасходе!

То, что никуда не отпустит этого мальчика, пока тот полностью не поправится, девочка решила, как взрослая, с самого начала, и то, что его надо чем-то кормить и лечить за это время, – тоже. Имеющиеся в доме крупы, макаронные изделия, мука, чай-сахар – все состояло на том же учете.

Но был у нее маленький секретик!

Каждый день бабушка давала деньги в школу на полдник, одну и ту же сумму: на стакан кефира или сока, булку или пирожок. Катерина не всегда полдничала, когда все места за столиками в буфете были заняты детьми – не ходила. И скопила капиталец тайный, который прятала – додумалась же! – в углубление под подоконником в своей комнате, случайно обнаруженное во время недозволенного занятия – глядения в окошко.

Она отмерит все до капельки, потраченные на лечение медикаменты запишет в выдернутый из тетрадки листочек, а завтра пойдет в аптеку и купит, что надо! А еще хлеба, молока и яиц, если хватит денежек.

И пойдет в другой магазин, где ее не знают и где не встретятся знакомые соседские бабульки.

Год, прожитый в постоянной муштре и требованиях к исполнению, не прошел даром!

Ксения Петровна в лице внучки заполучила аудиторию для лекционно-назидательной передачи житейского опыта, свода собственных законов и видения жизни. Она вдальбливала в одного безропотного слушателя правила планового ведения хозяйства каждый день: во время совместной уборки помещений, готовки еды, приборки в кухне, стирки, глажки белья, мытья посуды. Вещала со своей лекторской трибуны безапелляционно, монотонно-поучительно, переходя к практическим занятиям.

Что и пригодилось сейчас!

Катя сняла со своей солдатской койки покрывало, одеяло, принесла в бабушкину комнату. Поставив стул к окну, задернула плотные шторы на окнах, старательно проверив, не осталось ли предательской щелочки – свет не должен проникать наружу, у нее по расписанию сон! И все соседские партизанки об этом знают и донесут куда надо о не порядке!

Спрыгнув с высокого стула, убрала его на место, в крошечной темноте переставила ночник с тумбочки на пол возле кровати и только тогда включила.

Но это еще не все. Сообразительное дитя принесло из кухни, с нижней полки кухонного буфета, большой кусок полиэтилена, которым прикрывали мебель во время обметания потолков от пыли два раза в год.

Она старательно расстелила покрывало, на него одеяло, накрыла сверху полиэтиленом и только тогда, откинув свисающее до пола покрывало, подлезла под кровать.

Мальчик все так и лежал, не поменяв позы, и не дышал совсем, как почудилось ей.

Катка струхнула!

– Эй! – девочка толкнула его кулачком в плечо.

– Это соседка приходила? – отозвался он вопросом.

– Да, уже ушла, – успокоила Катька. – Переползай сюда.

Тот повиновался и кое-как переполз из-под кровати на расстеленный полиэтилен.

– Тебя надо осмотреть, но сначала помыть, – распорядилась Катерина с неизвестно откуда взявшейся уверенностью в себе и в своих решениях.

– В больницу играть будешь? – усмехнулся пацан разбитыми губами.

– Играть не буду! – твердо пообещала она. – Сейчас принесу таз с водой и губку. А ты раздевайся!

– Ух ты! – слабо выказал удивление мальчишка. – Командуешь? Сам до ванной дойду.

– Ты же еле ползаешь! – всплеснула командирша ручками, по-старушечьи.

– Отлежался немного, пока у тебя тут Евгения шарилась.

И медленно, передыхая, кое-как доплелся до ванной комнаты, даже вытолкал ее за дверь, не разрешая помогать, и умудрился помыться под душем. Одеваться в рваную и всю в крови одежду не стал, остался в одних трусах, самостоятельно сходил в туалет, но на этом последние силы кончились – свалился на пороге комнаты как тряпичная безвольная кукла.

Спасительница присела рядом, гладила его ладошкой по спине и плакала от бессилия. Ничего, отлежался, отдышался и дополз до «больничной» половой койки.

– Тебя как зовут? – спросила она.

– Тимофей, – представился пацан, не открывая глаз. – А ты Катька, внучка бабки Александровой, я знаю.

– Не Катька. Катерина, – возразила та.

– Это одно и то же.

– Нет, не одно, – очень твердо и уверенно еще раз возразила она.

– Значит, будешь Катериной, – согласился мальчик.

И это были его последние вразумительные слова в ту ночь.

Самую страшную ночь в жизни девятилетней Катерины Воронцовой.

Он был очень сильно, зверски избит. Синяки различной интенсивности и глубины покрывали весь его торс, ноги, но больше всего пострадали лицо и голова. Рассечены обе брови, разбит и, скорее всего, переломан нос, разбиты все губы, на затылке в нескольких местах рваные раны. Катюшка старательно и осторожно обработала все сначала перекисью водорода, затем, не жалея, йодом, забинтовала разбитый в кровь локоть правой руки. И как-то умудрилась затолкать в него, потерявшего сознание, две таблетки аспирина и анальгина.

Он метался всю ночь, стонал, дрался с кем-то во сне, кричал, а она закрывала его рот ладошкой, чтобы не слышали соседи. Порой впадал в забытие, порой начинал бредить непонятными, незнакомыми ей словами.

Девочка не отходила всю ночь, поила крепким чаем, когда мальчик приходил в себя, отдав свой многодневный рассчитанный паек заварки. Засыпала, проваливаясь в сон, когда он затихал, просыпалась, когда начинал метаться, и плакала от бессилия, оттого, что не знает, как помочь, вылечить, и что делать.

Лишь под самое утро пострадавший успокоился и заснул не тревожным обморочным сном. Катюшка осталась с ним, укрыла его и себя запасным покрывальцем из шкафа, поставила рядом будильник – распорядок надо соблюдать – подъем в семь утра! И провалилась в сон-омут.

Когда заорал будильник, открыла глаза и увидела Тимофея: тот лежал на спине, повернув голову, и внимательно ее рассматривал.

– Ты похожа на кошку, – изрек потерпевший.

– И вовсе не похожа! – обиделась девочка.

– Похожа, похожа! Волосы рыжие, а глаза зеленущие. Такого цвета глаза только у кошек и бывают, да и то у редких. Только худая очень. Такая худая, рыжая кошка.

– Ну и пусть! – перестала обижаться Катька.

А зачем? Он совсем не обидно говорит.

– Почему с бабушкой живешь? Родители померли, что ли?

– Нет, – она не стала развивать тему подробностями и поднялась с импровизированного ложа.

За время сна полиэтилен прилип к телу и теперь, издавая малоприятные звуки, неохотно отлипал от ручек-ножек.

– Надо идти умываться и завтракать. Завтрак в семь тридцать.

– Что, прямо так точно, в семь тридцать? – удивился он.

– Да.

– Зачем?

– Таков распорядок дня, – заученной фразой пояснила девочка.

– И тебе нравится так? По часам?

– Не знаю, – призадумалась вероотступница от святынь. – Так надо. И все.

– А... – понял Тимофей. – Бабка заставляет.

– Не заставляет. Просто сказала, что так надо.

– На фига тебе сейчас все по часам делать, если никто не проверяет?

Катерина призадумалась совсем уж всерьез над загадочным, но смутно понятным «на фига». Бунт в душе ребенка крепчал обоснованностью доводов и подозрением о возможности другого устройства жизни. Вот что случится, если позавтракает, скажем, не в семь тридцать, а в семь сорок пять? В это время она обязана выйти из дома для двухчасовой прогулки – сидения на скамейке и чтения книжки.

А если не выходить?..

На сем свободолобивые вредные порывы Катерины притормозились.

– Нам надо быть очень, очень осторожными, – рассудительно пояснила Тимофею. – Все бабушки во дворе привыкли, что я живу по расписанию, значит, меня должны видеть во дворе вовремя. И еще у меня программа по чтению и музеям, не могу пропустить, еще бабушке отчитываться. Понимаешь?

– Я сегодня уйду, – сказал он, подумал и уточнил, – вечером. Сейчас не смогу. Отлежаться пару дней надо. Доберусь до своего места в подвале, там и отлежусь.

– Нет, – твердо, по-взрослому, возразила девочка. – Ни в какой подвал ты не пойдешь! Тебе лежать надо, за тобой уход нужен, горячую еду надо кушать, в туалет ходить и мыться. Здесь останешься! Справимся!

– Ладно. Тогда завтра уйду, – согласился на небольшую отсрочку.

– Кто тебя так побил?

– Как кто? – удивился необычайно Тимофей. – Отец, конечно! Кто ж еще? Пацаны, что ли, с другого района? Так пусть попробуют – зубов не соберут, сопливы!

– Как отец?! – ахнула Катька, никогда не сталкивавшаяся с такого рода жестокостью.

– Да сам виноват! – вздохнул пацан. – Нельзя ему под руку попадаться, когда он градус перебрал! Не успел свалить, мать прятал, вот и...

Он пробыл у нее четыре дня.

Катерининых сэкономленных денежек хватило на скудные медикаменты, обезболивающий анальгин, на продукты, самые простые и дешевые. И на запретное всеми строжайшими запретами расточительство – мороженое!

Правда, одно на двоих.

Она старательно демонстрировала бдительным соседкам неукоснительное соблюдение распорядка дня, покупая конспиративно необходимое им с Тимофеем на обратной дороге из

планового посещения музеев. Положенные на день страницы обязательной литературы читала мальчику вслух.

А еще они разговаривали!

Чудо из чудес!! Неведомое доселе девочке Кате!

Никто. Никогда. С ней. Не разговаривал.

Вот не знала, что можно кому-то рассказывать о себе и слушать, что он расскажет о себе, своей жизни, интересах, делах, не ведала, что вот просто так можно рассказать, что думаешь, о своих мыслях!

Формулировки такой не знала и не владела: «Я думаю...»

А он научил!

Он был старше на три года.

Он был старше на целую взрослую жизнь!

Он был старше на знание нескольких взрослых жизней!

Уходил через четыре дня по всем правилам конспирации для нелегалов: в момент выхода Катерины на вечерний моцион. Тимофей повернулся к ней перед дверью и очень серьезно сказал:

– Кошка, ты теперь мне сестра. Думай, как разобраться со своим расписанием так, чтобы мы могли видеться каждый день. Тебя надо очень многому научить, иначе пропадешь. Я теперь за тебя отвечаю.

Чему научить? Почему пропадет? Куда пропадет?

Этого Катерина тогда не понимала ни близко, ни рядом, ни отдаленно.

Он единственный называет ее «Кошка», единственный, кому она стала нужна по-настоящему, единственный, кто стал для нее семьей, единственный, кто спас ее и заставил стать настоящей Катериной Воронцовой!

«Он просто единственный во всей моей распоганой и странной жизни», – подумала Катерина Анатольевна Воронцова, наконец засыпая, умаявшись за день трудами праведными и докучливыми неприятностями.

– Софья, не пугай отца! – возроптал Кирилл Степанович на неожиданное заявление дочери. – Я пребываю в умиротворяющей уверенности, что мы прекрасно обходимся без подростковых выкрутасов и поведенческих ужасов переходного возраста!

– Это не выкрутас, а осмысленное решение, – деловито заявила та, откусывая с аппетитом от бутерброда.

– О как! – подивился отец. – Значит, ты как бы между прочим, за завтраком, заявляешь, что не хочешь ехать к матери, и утверждаешь, что это осмысленное решение?

– Ты меня неправильно понял. Я не сказала, что не хочу ехать к маме, я сказала, что сейчас не могу ехать.

– Главное своевременно, – «похвалил» отец. – Завтра у вас самолет, билеты и визы на руках. Чего бы не передумать!

– Пап, – перешла на серьезный тон нарушительница отцовского спокойствия. – Мне надо остаться, а билет как раз успеем сдать! Макс пусть летит, а я приеду через месяц. Объясняю: мама Гарика предложила ему и мне поработать три недели во французской булочной продавцами и официантами. Это кафе находится рядом с французским посольством и туда в основном приходят французы. Вот я и попрактикуюсь в языке, а заодно пора учиться зарабатывать.

– А это за каким лядом, позволь узнать? – выказал первые зачатки раздражения Кирилл.

– Ну не вечно же буду сидеть на твоей шее! – аргументировала девочка.

– Тебе пятнадцать лет, и ты не сирота казанская, и не единственная надежда больных родителей на денежное обеспечение, чтобы учиться зарабатывать в этом возрасте! Твоя основная задача – получать образование! – закипал понемногу возмущением любящий отец.

– Па! Ну пусть идет поработает, – вступился за сестру Максим. – Я вот, например, не хочу, меня твоя шея вполне устраивает. Гарик там уже работал прошлым летом, ему понравилось, у него, между прочим, тоже предки упакованные, и он там не ради денег парится, а как Сонька – «практикуется в языке». И потом, работать-то будут по четыре часа в день, подростки же.

Гарик – это одноклассник Макса и друг его и младшей брата на год Сони. Кирилл хорошо знал и его самого, и родителей, так что, в принципе, рекомендации его матери о хорошей работе Бойцова немного успокоили.

– А разрешение родителей для трудовой деятельности разве не требуется? – «проникновенно» поинтересовался он.

– Требуется! – радостно кивнула Соня. – Ты же мне его дашь? Ну, как мудрый отец и все такое.

«Мудрый отец» расхохотался, позабыв о необходимости воспитательного возмущения поведением не в меру самостоятельной дочери.

– Напор и лесть! Ты осваиваешь азы делового общения! – со смехом выговорил Кирилл.

– Папенька, – девочка изобразила «нежную забывку» и послушную дочь. – Сие неизбежно, ты же гений бизнеса, невольно научишься!

– А вот грубая лесть – это уже перегиб, Софья Кирилловна, – попенял папенька «незавбудке». – Излагай план летних мероприятий.

– Значит так, – рапортовала та, – завтра иду в поликлинику, прохожу необходимое обследование для санитарной книжки. Через неделю с твоим письменным возражением по поводу моей работы и санитарной книжкой выхожу трудиться. Через месяц полечу к маме. Кстати, хотела с тобой об этом поговорить!

– О чем? – Кирилл посмотрел на часы.

Завтрак затягивался неожиданным заявлением, и время потихоньку поджимало.

– О том, что мы с Максом все каникулы проводим у мамы. Нам уже совсем не интересно торчать в Англии по два месяца, хотим и с тобой отдохнуть!

– Я не отдыхаю, – машинально возразил отец, мысленно переключаясь на работу.

– Вот именно! – обменявшись с братом заговорщицкими взглядами, с нажимом произнесла она. – Мы, конечно, скучаем по маме и рады с ней встретиться, но хотим хоть раз съездить куда-нибудь с тобой! Скажем, зимой на горные лыжи на курорт какой-нибудь!

– Я не катаюсь на лыжах, Соня, ты же знаешь, – заставил себя вернуться в разговор с детьми Бойцов.

– Ну, не на лыжах! Вот сейчас лето, могли бы махнуть втроем на море.

– Дети, по-моему, вы больше всех в курсе, что летом у меня самая запарка.

– Тогда зимой, в Египет, да хоть куда к морю! Но вместе!

Он возражал весело, так, для проформы, воспитательной направленности.

Неожиданно почувствовал приятное, странное тепло в груди, окатившее мягкой волной от Сониных настойчивых уговоров.

Он ни разу, никогда не проводил с детьми отпуск. Да какой отпуск, мало-мальскую неделю отдыха вместе! Каждые каникулы, от самых маленьких, в недельный срок, до больших летних, дети, по обоюдному уговору с Лилей, проводили с ней. Сначала возил сам, передавая с рук на руки матери, а когда подросли, стали летать самостоятельно. И никто до поры не спорил с такой жизненной установкой.

А тут вдруг...

– Па, мы давно об этом думаем, – подхватил инициативу разговора Максим. – К маме, ясный перец, летать будем. Но то, что я сейчас на два месяца, последний раз!

– Ультиматум? – улыбнулся отец.

Брат с сестрицей переглянулись, и мальчик кивнул утвердительно.

– Ну, что-то типа. Нам там неинтересно. У мамы своя жизнь, Костя, конечно, классный мужик, но они в делах, заморочках, у них работа и разговоры только о ней. Они же не перестают трудиться, когда мы приезжаем. И Лена с Лариской нормальные девчонки, но старше нас, со своими понтами. Когда пересекаемся, все время пытаются нами руководить. А нам неинтересно. Мы с тобой хотим. И тебе, вот сто пудово, давным-давно пора научиться отдыхать, хоть иногда! И мы научим! Вместе классно будет, вот увидишь!

Дети всегда так действовали – долго обсуждали что-то, шушукались, а решив, приступали к моральному штурму отца. Начинала младшая, Соня, Макс поддакивал, они переглядывались, поддерживая друг друга, окончательный вердикт подводил сын, излагая полную версию совместно придуманных и принятых решений.

– Так, – перешел к начальственному тону Кирилл. – С аргументами согласен, где, как и когда можем отдохнуть вместе, обсудим потом. Соня, разрешение на работу дам, но только после того, как вместе съездим в эту булочную и я лично поговорю с администратором. Все! Я на работу!

И встав из-за стола, отец коротко поцеловал детей по очереди в макушки.

– Так вы не доели, – искренне расстроилась домработница.

– А вот скажи мне, Валентина, ты-то чего затихорилась? Слова не вставила и почему не проболталась раньше? Ты ж наверняка знала про Сонино: «в народ – работать»? – вкрадчиво-пугающе поинтересовался господин Бойцов.

– Кудась? – уточнила спрашиваемая.

– Куда! – хором поправили дети.

– В народ! – засмеялся Кирилл – Ну, во французский народ! Работать!

– Так Соня сказала, что навалает, если проболтаюсь! – отрапортовала женщина.

– Что-что?

И расхохотался вовсю, до слез.

Валентина являла собой чудо природы, оду былинной русской богатырше – имела рост под метр девяносто, монументальное телосложение – широкая кость, сплошные мышцы и выдающийся, вызывающий трепетное уважение бюст впечатляющего размера. С такими «дарами» природы совершенно диссонировало кристальной воды простодушие, навевающее подозрение в идиотизме. Она патологически не умела хитрить, изворачиваться, говорить неправду, понимая все буквально, или просто умалчивать что-либо. Но Кирилл давно убедился, что внутренняя народная мудрость у нее врожденная, и, когда дело касалось чего-то серьезного, Валентина умела вовремя вмешаться, выслушать, промолчать до поры. А вот детские секреты сдавала враз, искренне не понимая: «А чо такого? Так от отца-то какие секреты!» Не действовали никакие страшные предупреждения и обещания последствий не менее «страшных».

Как в этот раз удержалась?

Ах да! Дочка обещала «навалать», еще наверняка страшные глаза делала.

Субтильную Соню, пятнадцати годов, росточком метр пятьдесят пять, Валентина в легкую могла пронести весь день на одной руке и не запариться. Посему заявка на применение физических действий имела гротескный характер, но понимавшая почти все буквально домработница к угрозе прислушалась.

– Она пошутила, – успокоил Кирилл.

– Та, я тоже так думаю, – призналась Валентина, с сомнением посмотрев на девочку Соню, изобразившую невинный взгляд.

Бойцов ехал на работу, думал о детях и улыбался.

Он обожал их, любил до щемящей, физически ощущаемой нежности. То, что они поставили сегодня ультиматум, явилось неожиданным и самым большим подарком и оттого невероятно значимым.

Они договорились с Лилей, когда та собралась замуж за Константина, что дети остаются с ним, с отцом, но все каникулы проводят у нее. Каждый раз, когда он отправлял детей к матери, улыбался, шутил, подбадривал их, а больше себя, стараясь придать легкость и непринужденность расставанию. Но чувствовал такую тоску, стискивающую сердце, и немного обиду, что они так легко и радостно торопятся улететь.

Несколько дней после расставания старался приезжать домой как можно позже и бродил по опустевшей, притихшей квартире из комнаты в комнату, как волк-одиночка, проживая всем существом чувство собственного одиночества, брошенности, пусть временной, но ненужности. Все эти восемь долгих лет, каждый раз одинаково мучаясь расставанием с детьми.

С Лилей они поженились очень рано.

Он окончил четвертый курс института, она – второй. Такая вот любовь накатила, ударив гормонами в голову, вызвав желание объявить официально государству, что они спят вместе, прекратив вечный судорожный поиск мест, где можно заняться любовью, перенеся данные упражнения в супружескую кровать.

Но на молодую семью сразу же свалились несчастья и испытания одно труднее другого, буквально через месяц после развеселой студенческой свадьбы. Если придерживаться точных формулировок, то свалился Кирилл, в прямом смысле, со строительных лесов, став испытанием для всех родных, особенно для молодой, восемнадцатилетней, жены Лили.

Год тяжелейшей реабилитации, параллельно с учебой, его дипломом и, чтобы мало не показалось, «нечаянная» беременность, рождение Максима.

Да. Не самым радужным образом началась семейная жизнь. И оба чувствовали, как что-то надломилось в них, с самого этого злосчастного падения надломилось!

Ну, еще бы! Когда вместо ожидаемого секса-секса-секса, радости-радости-радости, любви-любви-любви – больницы, безысходность, диагноз, как приговор, борьба за полноценную жизнь, безденежье, развал страны и будущего, грудной ребенок, как водится, в самый неподходящий момент, и – куда же без него! – извечный квартирный вопрос!

Наверное, надо уж очень сильно, по-настоящему, искренне любить, чтобы, пройдя через все это, только закалиться, стать ближе, роднее, опорой, поддержкой и самыми необходимыми друг другу.

Наверное, у них не было такого глубокого истинного чувства – ну, любили, хотели друг друга, и жизнь вместе прожить, и детей родить, но это было чувство не той силы и красоты, которое, закаляясь, становится глубже и прекраснее.

А-а-а! Да что там...

Вы много семей знаете, где есть такая любовь и поддержка при любых обстоятельствах? Ну, вот именно!

В стране творился полный амбец, но либо судьба смиростивилась, либо устала тюкать его по голове, так как Кириллу повезло, если, конечно, можно назвать везением точный расчет профессионала, невероятный риск с туманной перспективой, больше склоняющийся к потере всего! Бог его знает, что это было, но он рискнул!

При полном государственно-хозяйственном беспределе, наступившем в стране в те годы, когда можно было купить что угодно и продать что угодно.

Бойцов закончил архитектурно-строительный институт, и не ради диплома для проформы и чтобы иметь высшее образование – это было призвание, то, что нравилось бесконечно, и то, что он по-настоящему умел делать.

А еще Бог одарил его интуицией особого рода – умением верно просчитывать перспективы и чувствованием момента.

Кирилл зарабатывал где мог – ночами бомбил на отцовской машине, днем работал прорабом, на грозящей в любой момент закрыться стройке. И каждый вечер, возвращаясь домой, подолгу стоял и рассматривал брошенный недострой жилого дома в их районе.

Стоял, смотрел, думал, считал.

Навел через все имеющиеся связи и знакомства справки о разорившемся подрядчике, о землеотводе, о принадлежности в данный момент замороженной стройки, обо всем, о чем можно только было узнать.

И снова считал. Прикидывал. Думал.

И решился.

Через родного дядьку, отцовского брата, работавшего тогда в одном из первых коммерческих банков на не последней должности, под совершенно мифический проект взял кредит, предварительно оформив и зарегистрировав собственную фирму.

Раздав все возможные и невозможные взятки, получил разрешение и лицензию на строительство и стал (чудеса, чудеса – небывальщина!) возможным только в те времена, благослови их Господи, владельцем – владельцем!! – присмотренного недостроя.

Рисковал ужасно!!

Причем при любом исходе аферы! Не сможет сдать дом и за кредит придется расплачиваться пожизненно, еще большой вопрос как и чем! Достроишь, сдашь госкомиссии, продашь квартиры – тут же налетят братки с требованием делиться!

Куда ни кинь в этой стране, всегда попадешь безошибочно в то самое!..

Помог точно рассчитанный риск, «авось», вызволившее столетиями мужиков нашего государства, каторжный труд без сна и отдыха и приобретенные связи – как родни, так и его личные.

Найти и укомплектовать толковые бригады строителей, когда большая часть населения сидела без работы и денег, даже призрачной перспективы того и другого в обозримом будущем, особенно зная, где и кого искать, не составило труда.

Жесточайший запрет пить на стройке, еще более жестокий личный контроль соблюдения этого правила и того, чтобы не тащили ничего по углам и домам. Кого ловил – безжалостно изгонял! К нему на работу наниматься в очередь становились, Москва слухами полнилась. А то, что платит ежемесячно, «прошелестело» среди строителей до самых до окраин – было из кого выбирать!

Наезды чиновников и братвы, бесконечные «разборки», шантажи, ультимативные предложения взять «в партнеры», в долю, «подвинуться», отдать за хорошие деньги, полный дефицит стройматериалов, поиск клиентов и покупателей на готовые площади, и так далее, так далее, так далее...

Стояла, блин, развалина, никому на хрен не нужна была, стоило одному толковому мужику делом заняться, из говна поднимать, так поналетело – делись!

Мать вашу, ну что за страна?! А-ах!!

Выжил, выстоял! И построил!!

Он не помнил, как прожил те восемь месяцев – не ел, не спал практически, не жил вообще – строил, строил, строил, не останавливая процесса ни на час, ни днем, ни ночью. Похудел на пятнадцать килограмм, ничего не видел, не знал, не понимал вокруг, кроме стройки, хронически сорвал горло от крика и матюгов. Спасли только ежедневные обязательные тренировки, а так бы сдох, точно! Или надорвался.

Как он, двадцатичетырехлетний пацан, мог во все это влезть, убедить чиновников, родственников, друзей, что справится?! Да так убедить, чтобы не просто поверили, а и кредит дали, и займы, и документы подписали!

Что в нем было такое, что его безропотно слушались бывалые мужики – строители, прорабы, начальники участков, тонны цемента сожравшие на коммунистических стройках, знавшие все лазейки, все ходы-выходы, все «святые» откаты?!

Не просто слушались, а исполняли неукоснительно приказы, уважительно называя «Степаныч», и верили его словам: «Если эту поднимем, то дальше попрем вместе, обещаю!»

В двадцать один год, приняв первое выстраданное мужское решение на больничной койке, сцепив зубы, Бойцов поспорил со смертью и самой жизнью, с диагнозом пожизненной инвалидности, в одночасье превратившись из романтического юноши в сурового волевого мужика.

Ну, это другая история...

А тогда...

Они жили двумя семьями с родителями Кирилла в двушке-распашонке на Пролетарской. Как пролетели три месяца жизни его сына Максимки, отец не знал и не помнил. В тот период единственным ярким, запечатлевшимся в памяти на всю жизнь воспоминанием, не касающимся строительства, было то, как он встречал жену из роддома и взял на руки кулек с младенцем.

Маленький человечек не заплакал, не зашебуршался в своем кульке от незнакомых рук, а посмотрел серьезным взглядом, сдвинув невидимые бровки. А Бойцова затопила небывалая волна теплоты, нежности и осознания: «Мой сын!»

Вот ведь только-только это случилось, и он держал Максимку первый раз на руках, а уже три месяца прошло!

Все мимо!

А через неделю-другую после важной даты, три месяца сыну, Лиля достучалась до его сознания и, рыдая, сообщила, что снова беременна!

«Откуда?» – подумалось Кириллу влет. Он даже не помнил, что занимался с нею любовью! Нет, факт сам по себе, что занимался – помнил! А как, когда и что чувствовал – нет!

Доработался.

– Рожай! – отреагировал он тогда тоном приказа. – Теперь все будет хорошо!

Что может быть хорошо в стране, которая, треснув, развалилась на ломти и жила в полной уверенности, что уже никогда ничего хорошего не будет, в отсутствии завтрашнего дня, в постоянном ожидании неприятностей любого уровня, вплоть до потери жизни, особенно тех, кто хоть пытался работать и что-то делать?

Он ведь тоже по лезвию ходил – могло произойти что угодно, любое дерьмо – от госчиновников, само собой, до рэкета.

Убить могли запросто! Так, между прочим. Да и семье его бизнес не улучшением здоровья и благосостояния грозил в те времена, а ровно наоборот!

Но Бойцов почему-то точно знал, чувствовал – теперь все будет хорошо!

Откуда?! Да, господь знает!

Жена рыдала, озвучивала все возможные ужасные перспективы, приводила обоснованные аргументы, призывала на помощь его родителей.

Какой ребенок?!

Но он повторил приказ:

– Лилия! Мы будем рожать! Никаких аборт! Все!

Она смирилась, не решившись тайно пойти против его воли, да и родители, повздыхав, вспомнив, что в России не было бы, если б бабы в войны да лихолетья рожать перестали, да и не такие мы уж старики – поможем!

Когда родилась Соня, Кирилл уже сдал дом, и пошли первые деньги от продаж. И какие! По тем-то временам!!

И кредит он о-чень удачно выплатил – половину! Банк, выдавший ему денежки, ликвидировали, дядька помог попасть в программу погашения и ликвидации. И с чиновниками Бойцов «плавно» разошелся, без потерь, помогли старые связи отца, который имел звание «почетного строителя», проработав начальником и участков, и самих строек по всей стране. И с «братками» полюбовно договорились о минимальной мзде, помог друг дворового детства, в те времена член, и не последний, в данном сообществе граждан, героически расстрелянный через два года в одной из разборок.

Наверное, большинство из тех, кто начинал в те времена и проходил все эти «прелести» дикого зарождающегося бизнеса, скажут: по-вез-ло!

Скорее всего, да, повезло, но у него не было ни сил, ни времени на осмысление и даже на банальное: «Спасибо, Господи!»

И – поехало дальше!

Теперь вложился в два объекта – риск, опять-таки офигенный, в двойном тарифе! Какое строительство, когда все разрушают – жизнь, страну, людей, здания, производства?!

Но знал, чувствовал чем-то потусторонним, идущим дальше за интуицией – пройдет пара-тройка лет, и строительство попрет, как тесто из кастрюли – только успевай!

Ну, прошли не пара-тройка, а чуть поболее лет, но строительный-то бум вот он тебе, прогноз-то был верным!

Как прошли следующие полтора года, Кирилл не помнил, двадцать четыре часа в сутки проводя на своих объектах, на пределе физических, моральных сил, дня и ночи, в буквальном смысле, на площадках. Оказалось, и дети подросли и вовсю топают ножками, а Максимка и того хлеще – болтает без умолку! А он их и не видел вообще: уходил – они еще спали, приходил – уже спали.

А изменить ничего не мог и не хотел: ни остановить процесс, ни бросить, ни выключиться хоть на час!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.